

КАК НАЧИНАЛСЯ АТОМГРАД

Урановый проект

Не успели утвердиться надежды на прочный мир, а над страной нависла новая угроза. Мощная американская промышленность, усиленная за годы войны привлечением талантливых ученых и инженеров многих стран Западной Европы, решив сложнейшие технологические задачи, смогла начать производство атомного оружия. Устрашающий эффект атомных бомбардировок японских городов как заявка на мировое превосходство и грозное предупреждение был адресован, в первую очередь, Советскому Союзу. Преодоление монополии США на владение атомным оружием стало для СССР важнейшей государственной проблемой, решать которую пришлось в экстремально тяжелых условиях послевоенной разрухи и в предельно сжатые сроки.

Научные основы ядерной физики в России заложил академик В.И. Вернадский, организовав ещё в 1915 году при Петербургской академии наук Радиологическую лабораторию. В ней проводилась пробная переработка радиоактивных руд. В 1921 году были получены первые российские радиевые препараты. Успешные работы по извлечению радия из урановых руд в 1920-х – начале 1930-х годов вел В.Г. Хлопин, начинавший свои изыскания в основанной Вернадским лаборатории. С его именем связано создание отечественной радиохимии. В предвоенные годы молодыми учеными Г.Н. Флеровым и К.А. Петржаком было открыто спонтанное деление ядер урана, а Я.Б. Зельдовичем и Ю.Б. Харитоновым проведены расчёты, указывавшие на возможности получения цепной реакции при использовании слабообогащённого урана-235 в смеси с тяжелой водой или графитом. Монографии ленинградских физиков – теоретика Г.А. Гамова и экспериментатора И.В. Курчатова – указывали на готовность вести основополагающие работы по использованию внутриядерной реакции.

Урановой проблемой также занимались лаборатории Радиевого института, Ленинградского и Украинского физико-технических институтов АН СССР, где работали Л.И. Русинов, Л.В. Мысовский, К.Д. Синельников, Б.В. и И.В. Курчатовы и многие другие видные ученые.

Имевшиеся наработки позволили В.И. Вернадскому организовать в 1940 году при АН СССР Урановую комиссию. Этой комиссией был подготовлен первый проект общегосударственной программы по использованию энергии деления ядер урана, предусматривавший разведку запасов и организацию добычи урана, расширение научных исследований и укрепление экспериментальной базы для разработки методов разделения изотопов и использования внутриядерных превращений в народном хозяйстве. Но с началом войны многие ученые были призваны на фронт, ведущие институты Москвы и Ленинграда эвакуированы в тыл, прикладная военная тематика вытеснила фундаментальные исследования, и работы по Урановому проекту практически прекратились.

Лишь в 1943 году, в связи с необходимостью оценить научную важность многочисленных донесений разведки о проведении в Германии, США и Великобритании интенсивных исследований по использованию ядерной энергии в военных целях, была образована Лаборатория №2 Академии наук, ставшая головным научно-исследовательским центром по всему комплексу атомной проблемы, которая в целях конспирации именовалась Лабораторией измерительных приборов Академии наук (ЛИПАН). В середине 1943 года научный руководитель Уранового проекта И.В. Курчатов доложил заместителю Председателя Совнаркома и наркому химической промышленности М.Г. Первухину о значимости представленных внешней разведкой материалов. С фронта были отозваны причастные к исследованиям по урановой проблеме ученые, начаты опыты по разделению изотопов урана в газовой фазе, а в НИИ-42 Наркомхимпрома получены первые 10 г гексафторида урана. Однако до окончания войны с Германией научные центры ещё не располагали в достатке необходимым оборудованием и кадрами для широкого и целенаправленного развертывания работ.

К весне 1945 года особая важность реализации Уранового проекта стала очевидной на государственном уровне. Государственный комитет обороны (ГКО) принял ряд решений, направленных на увеличение добычи урановой руды, наращивание мощностей и совершенствование оборудования заводов по её переработке, скорейшее завершение строительства Комбината №6 в Таджикистане и НИИ-9 в Москве, на который возлагалась ответственность за разработку технологии и производство чистого металлического урана, пригодного к использованию в опытном реакторе ЛИПАН и

уран-графитовом промышленном реакторе по наработке плутония. Для участия в исследованиях по урановой проблеме были привлечены и немецкие специалисты, оказавшиеся на оккупированной Красной Армией территории. Некоторые крупные ученые были приглашены по контракту, всего из Германии в СССР прибыло около 200 специалистов, в том числе 33 доктора наук, 77 инженеров, ассистенты, лаборанты, в дальнейшем привлекались и высококвалифицированные рабочие. Из Уральского филиала Академии наук в ЛИПАН была переведена руководимая И.К. Кикоиным лаборатория, где началось экспериментальное изучение методов разделения изотопов урана.

Создание атомного оружия требовало разработки промышленных технологий получения плутония и высокообогащенного урана, что стало возможным лишь с признанием Уранового проекта программой первостепенной важности, ответственность за выполнение которой вместе с учеными разделяло партийно-правительственное руководство страны. Постановлением ГКО от 20 августа 1945 года был учрежден наделенный чрезвычайными полномочиями Специальный комитет (СК), в который вошли Л.П. Берия (председатель), Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин, И.В. Курчатов, П.Л. Капица, В.А. Махнев и М.Г. Первухин.

Этим же постановлением для руководства организацией атомной промышленности, привлечения к решению этой проблемы необходимых отраслей народного хозяйства и научных центров, координации научно-технических исследований по всем направлениям атомной программы было учреждено Первое Главное Управление (ПГУ) при Совете народных комиссаров СССР, которое возглавил опытный инженер и организатор Б.Л. Ванников, руководивший в 1942–1946 годах Наркоматом боеприпасов СССР.

Для упрощения межведомственных согласований организационная структура ПГУ предусматривала привлечение к его работе руководителей ряда наркоматов (с 1946 года – министерств). На должности заместителей начальника ПГУ были назначены: министр геологии П.Я. Антропов, отвечавший за разведку и разработку урановых месторождений, заместитель министра внутренних дел А.П. Завенягин, которому были подчинены все строительные организации, начальник Главпромстроя МВД СССР А.Н. Комаровский, заместитель Наркома цветной металлургии Е.П. Славский и другие. В 1947 году первым заместителем начальника ПГУ был назначен М.Г. Первухин, а в 1949 году – Е.П. Славский, впоследствии (с 1957 года) многие годы возглавлявший Министерство среднего машиностроения (МСМ).

Б.Л. Ванников, Е.П. Славский, А.П. Завенягин, М.Г. Первухин поначалу почти ничего не понимали в атомном проекте. Однако упорный, целеустремленный труд позволил им приобщиться к сути проблемы и с большой пользой применить свои знания и организационный опыт.

Особая роль в работе ПГУ отводилась созданному в его рамках Научно-техническому совету (НТС) с несколькими специализированными секциями. Персональный состав НТС тщательно подбирался и включал самых известных ученых, высококвалифицированных инженеров-конструкторов, технологов, проектировщиков. Председателем Технического совета был назначен Б.Л. Ванников, ученым секретарем – академик А.И. Алиханов, в его состав входили член-корреспондент НА СССР И.Н. Вознесенский, А.П. Завенягин, академик А.Ф. Иоффе, академик П.Л. Капица, член-корреспондент АН СССР И.К. Кикоин, академик И.В. Курчатов, В.А. Махнев, профессор Ю.Б. Харитон, академик В.Г. Хлопин. Помимо членов НТС на его заседания приглашались наиболее сведущие в своих областях специалисты, а решения и рекомендации носили обязательный к исполнению характер. В 1946 году В.Л. Ванникова на посту председателя НТС сменил М.Г. Первухин, а с 1949 года – И.В. Курчатов.

Секцией НТС по молекулярным методам разделения изотопов руководил заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр транспортного машиностроения В.А. Малышев. В период, когда научные исследования и лабораторный суженный поиск должны были стремительно перерастать в этап промышленного освоения, блестящая инженерная подготовка, научно-техническая эрудиция и организаторский талант В.А. Малышева давали ему возможность предвидеть развитие научной мысли,

Изотоп урана-235 является практически единственным природным материалом, атомы которого могут делиться под воздействием нейтронов любых энергий (начиная с тепловой) с образованием нейтронов деления, необходимых для осуществления цепной реакции, управляемой в ядерном реакторе или неуправляемой – в атомной бомбе. В природном уране он составляет всего 0,72%, и для использования в ядерной энергетике или атомной бомбе нужно изменить природное соотношение изотопов, искусственно увеличив содержание урана-235, что называется «обогащением». Степень обогащения зависит от целей использования. Для военных нужд необходима концентрация урана-235 около 90%.

Основная часть природного урана – изотоп-238 под воздействием тепловых нейтронов не делится, но его ядро при определенных условиях способно захватывать эти нейтроны, превращаясь в атом нового, не встречающегося в природе делящегося вещества – плутония. Чтобы осуществить такое превращение, необходимо получить избыточные нейтроны за счёт управляемой цепной реакции деления урана-235, которые являются источником преобразования природного урана-238 и служат как бы стартовым топливом ядерной энергетике.

Исходным условием газодиффузного метода разделения изотопов является превращение тяжелого металла урана в газообразное соединение, которым оказался шестифтористый уран или гексафторид урана, сохраняющий свойства газа в полном вакууме и при относительно невысокой (до 560°C) температуре. Метод основан на использовании небольшого различия в массе и скорости движения тяжёлых (с изотопом урана-238) и лёгких (с изотопом 235) молекул в газовой смеси гексафторида урана. Проходя через установленные на пути принудительного потока газа пористые перегородки, диаметр отверстий которых не должен превышать расстояния свободного пробега молекулы до ее столкновения с какой-либо другой молекулой, молекулы, содержащие легкий изотоп, оказываются более проворны. Поэтому при одинаковых условиях их успеет пройти через препятствие чуть больше, чем тяжелых молекул, и газовая смесь за перегородкой окажется несколько обогащена изотопом урана-235. Однако, из-за весьма малых отличий в скорости движения молекул, коэффициент разделения изотопов урана очень низок и при однократном прохождении газа через фильтр практически не превышает 0,2 %. Следовательно, чтобы получить высокообогащенный уран оружейной кондиции, необходимо прокачать гексафторид урана через пористые перегородки несколько тысяч раз. Химическая агрессивность фтора, взаимодействующего почти со всеми металлами, бурно протекающие его реакции с водой, органическими соединениями, смазками потребовала огромных усилий для разработки методов и оборудования по обращению с ним в производстве обогащенного урана.

го политехнического института, членом-корреспондентом АН СССР профессором И.Н. Вознесенским, а разработку физических основ газодиффузного метода и общее научное руководство проблемой осуществлял академик, профессор И.К. Кикоин. Широким фронтом велись исследования, спешно укреплявшие научные основы будущего производства. Однако образцы урана с заметным изотопным обогащением по урану-235 лабораторно были получены только в 1947 году.

Для ускорения конструкторских работ, немедленного воплощения в металле опытных разработок и последующего развертывания серийного производства основного технологического оборудования были подключены Ленинградский, Кировский и Горьковский машиностроительные заводы, с образованными там специальными конструкторскими бюро. Это положило начало многолетнему творческому соревнованию коллективов, обретавшему порой черты жесткого соперничества. Через непрерывный поиск решений, ошибки, малые и большие неудачи начального периода, после одной из которых больное сердце профессора И.Н. Вознесенского не выдержало, шёл процесс создания и совершенствования диффузионных машин.

Столь же трудно давалась разработка фильтрующих перегородок. От их надежности и добротности зависела эффективность диффузионного метода, поэтому требования к конструкции были

участвовать в разработке технологического оборудования и умело координировать усилия многих отраслей промышленности, подчиняя их решению поставленной задачи. Председателем секции НТС он оставался до конца своих дней (февраль 1957 года). Он же возглавил Министерство среднего машиностроения, образованное в середине 1953 года на базе ПГУ.

В ЛИПАНе шел напряженный поиск перспективной концепции реакторной установки для получения плутония и реального, технически осуществимого метода обогащения урана. Одновременно разрабатывалось несколько расплывчатых силы направлений, но к середине 1945 года наметилась определенность. Предпочтение было отдано уран-графитовому реактору и газодиффузному методу обогащения урана. Закреплению этого выбора способствовало знакомство с «Официальным отчетом о разработке атомной бомбы под наблюдением Правительства США», написанным активным участником «Манхэттенского проекта» профессором Г.Д. Смитом. Фотокопия отчета была получена по каналам разведки во второй половине 1945 года, ещё до появления его в открытой печати. По поручению М.Г. Первухина «Отчет» в течение ночи перевел химик-машиностроитель В.Ф. Калинин и уже утром доложил его содержание узкому кругу ученых в лаборатории №2. Как отмечал участник разработки газодиффузной технологии, генеральный конструктор машин для разделения изотопов профессор Н.М. Синев, «Отчет» решительно и бесповоротно подкрепил нашу позицию при выборе газодиффузного метода. Книга оказалась для нас очень важной и весьма своевременной... Американская информация была своеобразным запасным компасом, помогала проверить ориентировку в технической «тайге»...

По решению СК, к вопросу создания электрооборудования, контрольно-измерительных приборов, высокооборотных подшипников, вакуумной техники, специальных смазок, фильтрующих перегородок и прочего были привлечены соответствующие институты и предприятия разных министерств. Разработка промышленной технологии и организация производства гексафторида урана были поручены предприятиям Минхимпрома. К концу 1949 года на заводе №752 в Кирово-Чепецке после ввода специально построенных цехов началось его производство.

Научное руководство разработками диффузионного метода правительство возложило на крупных ученых страны. За расчётно-теоретические работы отвечал известный математик, академик С.Л. Соболев, являвшийся также и заместителем И.В. Курчатова по руководству ЛИПАНОм. Инженерное решение проблемы было поручено коллективу, возглавляемому заведующим кафедрой гидромашин Ленинградского

чрезвычайно высоки. Нигде ранее в технике в такой ответственной «роли» подобные тонкие и хрупкие изделия не применялись. В начале 1946 года, по разработанным в ЛИПАНе техническим условиям, был объявлен закрытый конкурс на создание плоских (с них проще было начинать) фильтров. Задача состояла в том, чтобы в условиях длительной эксплуатации в среде агрессивного газа их мельчайшие поры не увеличивались и не забивались. Представленный Московским комбинатом твердых сплавов (МКТС) совместно с ЛИПАНОм вариант наиболее отвечал заданным характеристикам и был принят для серийного производства, которое в сжатые сроки было налажено на МКТС. Плоские фильтры использовались на диффузионных машинах первого поколения, выпускавшихся на Горьковском машиностроительном заводе.

Не прекращался поиск приемлемой конструкции трубчатых фильтров. Наконец, в 1948 году в лабораториях Сухумского физико-технического института под руководством немецких специалистов были получены хорошие результаты. В сравнении с плоскими, трубчатые фильтры выдерживали двукратное увеличение давления газа, что позволяло при тех же геометрических размерах диффузионной машины удвоить её разделительную мощность, подняв соответственно лишь мощность двигателя компрессора. Фильтры успешно прошли комплекс испытаний в ЛИПАНе и были рекомендованы для применения на диффузионных машинах второго поколения. Их выпуск в 1949 году удалось организовать на Московском комбинате твердых сплавов и подмосковном механическом заводе, которые в течение ряда лет обеспечивали развивавшуюся диффузионную промышленность своей тонкой, хрупкой, сверхчистой и сверхсекретной продукцией.

25 декабря 1946 года творческим коллективом под руководством И.В. Курчатова впервые была успешно осуществлена управляемая цепная реакция деления урана на исследовательском уран-графитовом реакторе Ф-1, собранном в специально построенном на территории ЛИПАНа здании. Опыт его эксплуатации способствовал изучению физических параметров и оптимальных характеристик процесса и был использован при проектировании первого промышленного ядерного реактора, главным конструктором которого был назначен директор московского НИИ Химмаша профессор Н.А. Доллежал. Началась отработка технологии выделения плутония из облученных в реакторе Ф-1 урановых блоков, было получено «весомое» (исчисляемое долями грамма) его количество, позволившее приступить к исследованию свойств нового вещества.

Научные результаты доказывали реальность создания ядерного оружия с использованием плутония и послужили основанием для сделанного 6 ноября 1947 года Министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым заявления о том, что секрета атомной бомбы уже давно не существует. Тогда в ученых и правительственных кругах США самоуверенно полагали, что более никакая страна в ближайшие годы «не способна на подобную затрату мозговой энергии и технических усилий», и советское заявление восприняли как блеф. Но они ошиблись. Советский Союз сумел не только организовать крупномасштабные исследования и лабораторные эксперименты, но и приступить к созданию первых промышленных объектов на Урале уже в начале 1946 года.

Ценой огромных усилий, самоотверженного труда, преодоления многочисленных срывов и бытовых трудностей удалось за два с половиной года построить, смонтировать и запустить промышленные производства делящихся материалов. С датой 19 июня 1948 года, когда завершился период подготовки реактора к работе на проектной мощности, связывают начало производственной деятельности построенного близ г. Кыштыма плутониевого комбината (Комбинат №817, г. Челябинск-40, начальник строительства – генерал-майор Инженерно-технических служб М.М. Царевский). Началась наработка плутония для первой атомной бомбы. В 7 часов утра 29 августа 1949 года на Семипалатинском испытательном полигоне была взорвана первая советская атомная бомба мощностью 20 килотонн тротилового эквивалента.

В середине 1948 г. произошел пробный пуск первой очереди технологической цепочки диффузионного завода (Д-1) в посёлке Верх-Нейвинском (Комбинат №813, г. Свердловск-44), показавший необычайную сложность поддержания столь тонкого и продолжительного технологического процесса. Лишь спустя год завод Д-1 был полностью введен в эксплуатацию, а с 1950 г. стал устойчиво работать, давая в год несколько десятков килограммов оружейного урана. Первая бомба из этого урана была испытана в 1951 г.

Удобное место

Нараставшая международная напряженность в послевоенной Европе и усилившийся ядерный шантаж со стороны непрестанно увеличивавших свой военный потенциал США вынуждали Советский Союз включиться в «ядерный марафон». 26 марта 1949 года Совет Министров СССР за подписью И.В. Сталина принял секретное постановление №1252-443 «О строительстве Зауральского машиностроительного завода». В нём говорилось о создании вблизи г. Томска комбината по производству

высокообогащённого урана-235 и плутония. Новый промышленный комплекс, первоначально зашифрованный как «Зауральская контора Главгорстроя» или Комбинат №816, должен был объединить в себе развивавшиеся на Комбинатах №817 (Челябинск-40) и №813 (Свердловск-44) производства. Он включал в себя завод по разделению изотопов урана и реакторный завод, где предполагался поочередный ввод нескольких реакторов для наработки плутония и атомной станции. Планом предусматривалось создание сублиматного завода, предназначенного для превращения металлического урана в летучий газ гексафторид урана, являющийся сырьем газодиффузной технологии разделительного завода. Требовалось так же создать собственную ТЭЦ, обеспечивавшую предприятие электроэнергией, и сложную систему гидросооружений, гарантировавших работу ТЭЦ. Организационное объединение этого большого и разветвленного хозяйства вылилось в самостоятельное структурное подразделение комбината, получившее в дальнейшем название завод «Гидроэнергоснаб».

Столь масштабный ядерно-энергетический комплекс выдвигал ряд существенных требований к месту своего предстоявшего размещения. Программируемая для него территория должна была непременно находиться в глубоком тылу, обеспечивающем безопасность от воздушных нападений потенциальных противников, иметь поблизости крупный источник относительно чистой и холодной воды для охлаждения оборудования, быть связанной с промышленными центрами страны транспортными магистралями, отвечать определенным гидрологическим, геологическим, сейсмическим условиям, располагать сырьевыми запасами для производства строительных материалов.

Специфика производства предполагала его удаленность от жилого посёлка обслуживающего персонала, не допускала и скученности промышленных объектов. Предприятия также нуждались в выделении естественной санитарной зоны. Следовательно, предприятие требовало большой территории, свободной от старых поселений.

Всем этим условиям отвечал район к северу от Томска. Хотя нужно признать, что тогда, в конце 1940-х годов прошлого столетия, на бескрайних просторах не отягощенной урбанизацией Сибири оставалось ещё немало мест надёжно скрытых от недобро-любопытствующего внимания лесами и болотами, способных составить конкуренцию томской площадке.

Для зашифровки дислокации комбината и его принадлежности к Министерству среднего машиностроения, осуществления связей с многочисленными поставщиками для получения и отправки грузов была переадресована контора в г. Тайга Кемеровской области, располагавшаяся примерно в 100 км от комбината. Все грузы поступали в адрес этой конторы, а потом отправлялись непосредственно на комбинат. В 1960 г. взамен Тайгинской конторы был образован переадресовочный пункт на станции Томск-II. Для переписки применялись различные условные наименования: Предприятие п/я 129 (по основной деятельности), №130 (по УКСу), №250 (по ОРСу), в/ч 58151 (для переписки с организациями министерства обороны, в том числе – с военкоматами), Зауральский машиностроительный завод Министерства химической промышленности СССР. С 1960 г. появляются дополнительные адреса: п/я 153, 180, 335. 4 апреля 1966 г. секретным приказом Министра среднего машиностроения Ефима Петровича Славского Комбинату №816 было присвоено название Сибирский химический комбинат им. М.В. Ломоносова и условное наименование предприятия п/я В-2994. С 1990 г. название СХК стало открытым.

Возможно, выбор места строительства связан и с намерениями Министерства речного флота расширить на Томи своё присутствие и в дополнение к Самусьскому судоремонтному заводу построить в устье р. Большая Киргизка крупный судостроительный завод. Благодаря интересу судостроителей район попал в число перспективных для промышленного освоения. О том, что строительство таких предприятий предполагалось в широком масштабе ещё до подписания Постановления №1252-443, говорит тот факт, что в стране в послевоенные годы производились изыскания на местности, и уже в 1947 году вопрос о выделении земель был согласован с Томским облисполкомом. Повторно к его обсуждению вернулись весной следующего года. 20 апреля 1948 года Горисполком утвердил решение Архитектурной комиссии облисполкома об отводе уже Министерству транспортного машиностроения 1115 га территории к югу и юго-востоку от берегов Томи и Большой Киргизки для строительства верфи и жилого посёлка судостроителей, но своим правом Министерство не воспользовалось. Вероятно, немаловажную роль в судьбе территории сыграл В.А. Малышев. Совмещая в те годы высокий пост в ПГУ с руководством Министерствами судостроительной промышленности, затем транспортного машиностроения, он не мог не знать планов этих ведомств, и выбор был сделан в пользу делавшей первые шаги атомной отрасли. Летом 1948 года в этом районе по заданию ПГУ сотрудниками Ленинградского государственного специализированного проектного института (ГСПИ-II) проводились геологические, геодезические, гидрологические обследования, экспедиционные отчеты которых отложились в архиве института. Полученные материалы подтверждали возможность строительства атомного комплекса.

Отчаянная попытка во что бы то ни стало догнать США в производстве атомного оружия спрессовала время. Очевидный его дефицит

выдвигал особые требования к кадрам строителей. Важнейшим из них было использование мобильных, легко и быстро поддающихся количественному и качественному регулированию, довольствующихся элементарным социальным и бытовым обустройством формирований. Таковыми могли быть только заключённые и военные строители. Не случайно возведение комбината под Томском было поручено Главпромстрою МВД СССР, уже имевшему успешный опыт подобных строек.

23 марта 1949 года, за три дня до правительственного постановления о строительстве Зауральского машиностроительного завода, в Главпромстрое состоялось совещание, наметившее первоочередные меры по созданию подсобных предприятий для производства строительных материалов и конструкций на вновь создаваемой строительной площадке, определившее поставщиков оборудования для них. С поручением согласовать действия и объём помощи местной власти строительству, решить вопрос об источниках его обеспечения строительными материалами, энерго- и водоснабжения, уточнить номенклатуру и мощность необходимых строительству подсобных и производственных предприятий, наметить площадки их размещения и дать задания по проектированию этих заводов и временных жилых зон для строителей в Сибирь выехала бригада специалистов, возглавляемая заместителем начальника Главпромстроя полковником С.И. Погарским.

В Томске, куда бригада прибыла 31 марта, она была сразу принята Первым секретарем обкома партии А.В. Семиным и председателем облисполкома В.И. Купертом. Первыми руководителями области были даны указания предприятиям и органам местной власти об изыскании резервов для помощи строительству. С облисполкомом был согласован акт о выборе строительной площадки, местом размещения которой был определен правый берег р. Томи в районе посёлка Чекист, деревни Белобородово, Иглаково и прилегавшие к ним территории государственного лесного фонда. Вопросы решались оперативно, и 6 апреля 1949 года Министр ВД СССР Сергей Никифорович Круглов подписал приказ о создании на базе расположенного в посёлке Чекист исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) «А» МВД СССР Управления Строительства №601, получившего открытое наименование «предприятие п/я №5». Уполномоченным Главпромстроя по организации строительства был назначен подполковник В.И. Куртов.

Тем временем на подведомственных Главпромстрою объектах подбирались руководители служб и отделов создаваемого Управления Строительства №601 и спешно командировались для организации работ на новой площадке. Уже 5 апреля прибыла первая группа специалистов из Дубны. В их числе: будущий главный инженер стройки А.В. Иорданский, главный геодезист М.И. Гаранин, начальник технического снабжения А.П. Паньков, начальник пожарной охраны В.Я. Яковлев, энергетик И.Е. Пантелеев, врач К.Г. Ершова. В распоряжение Строительства №601 по разнарядкам Главпромстроя направлялись выпускники вузов и техникумов. В первых числах апреля на стройплощадку прибыла выездная бригада специалистов Ленгипростроя (ЛГС), занявшихся уточнением данных о запасах песка, гравия, глин, проектированием карьеров, дорог, баз складирования, отводом площадок для строительства лагерей заключённых, военного городка, жилпосёлков и подсобных предприятий. В адрес стройки направлялись металл, сборные детали домов, оборудование для заводов по производству стройматериалов.

Не располагая собственной строительной базой, старинный Томск не мог помочь новой стройке квалифицированными кадрами, но делился тем, что имел. Закрытое суженное заседание облисполкома, обсудив 13 апреля 1949 года вопрос об организации строительства объекта №816, приняло решение о передаче ему уже к 20 мая не менее 200 кВт электроэнергии. Оно обязало Энергокомбинат, при условии реконструкции сетей и повысительной подстанции на ГРЭС-2 (городская районная электростанция), закрепить за стройкой в 1949 году 3 тыс. кВт, что вполне обеспечивало её первоочередные потребности.

Институт возник в середине 1930-х г., а с началом работ над созданием атомного оружия был передан в ведение ПГУ и переименован. Менялись его названия: Ленгипрострой Главгорстроя СССР, ГСПИ-II, ВНИПИЭТ, но направление сохранялось. Всесоюзный научно-исследовательский проектный институт электронных технологий (ВНИПИЭТ), обеспечивал комплексное проектирование промышленных объектов и жилой застройки, являлся генеральным проектировщиком всех городов системы Минсредмаша СССР (в дальнейшем – Минатома РФ).

Рис. 74. В этом здании в 1949 году размещалось Управление Строительства №601. Из фондов Музея г. Северска.

Решался вопрос о стеновых материалах. Облисполком поручил облплану предусмотреть выделение строительству в 1949 году 1 млн штук кирпича с кирпичных заводов №10 и «Керамик», а также всей продукции, произведенной в 1949 году кирзаводом №17, восстановление и реконструкцию которого должно было произвести Управление Строительства №601. Завершение этих работ предполагалось к началу 1950 года с доведением мощности завода до 12 млн штук кирпичей в год. 9 млн штук из них были закреплены за новой стройкой.

Остро стояла проблема жилья и обеспечения работников пищей и предметами первой необходимости. Для временного размещения прибывающих работников Строительства №601 облисполком распорядился выделить места в городской гостинице и Доме колхозника, комнаты в окрестных селах, пустующие склады в Иглаково и, на время летних каникул, школу в посёлке Чекист. Облисполком также содействовал заключению договора об аренде жилья с трестом Томлес, потребовал организовать бесперебойное и «в лучшем ассортименте» снабжение строителей и оборудования для них столовой на 100 посадочных мест. Помещения конторы Управления Строительства №601 в районе Черемошников были обеспечены телефонной связью и оборудованы в соответствии с режимными требованиями.

Управление Строительства №601 заключило с местными организациями договоры на поставку круглого леса, бутового камня, шлака и извести, получило право на временное использование складов госрезерва и железнодорожного тупика от ст. Томск-II до Каштака с прилегающим участком территории для обработки поступающих грузов. И все же столь необходимая и своевременная помощь томских властей была слабым подспорьем под натиском множества навалившихся проблем.

Организация строительства начиналась в трудных условиях, при отсутствии производственной базы, материальных ресурсов, жилищного фонда, рабочей силы, специалистов и полного бездорожья, усугубленного весенней распутицей. Состоявшимся в середине апреля 1949 года на строительной площадке совместным техническим совещанием представителей Главпромстроя и Ленгипростроя были определены основные направления первоочередных работ. Предполагалось незамедлительно приступить к восстановлению кирзавода №17 с тем, чтобы на временных его сооружениях уже в 1949 году получить 1,8 млн штук кирпича, необходимого для расширения и развития завода. Вместе с тем, на четвёртый квартал 1949 года намечалось начало строительства нового кирзавода в районе ст. Томск-II производительностью 25 млн штук в год, с вводом его на полную мощность к маю 1951 года, и строительство завода шлакоблоков, использующего как сырьё отвалы шлака на ст. Тайга и томской ГРЭС-2. Для перспективного снабжения стройки электроэнергией требовалось наращивание мощности ГРЭС-2, расширение и реконструкция которой поручались Управлению Строительства №601.

Важнейшей первоочередной задачей совещание признало строительство дорог, чтобы к концу 1949 года стальной и автомобильной колеёй связать площадку с городом, а по гравийным и лежнёвым дорогам организовать перевозки грузов внутри стройки. Была согласована схема размещения на местности основных площадок строительной программы 1949–50 годов, предусматривавшей создание производственной базы, способной обеспечить стройку необходимыми материалами и минимальными жилищно-бытовыми условиями для многотысячного коллектива строителей, а именно: четыре лагеря для заключённых по 5 тыс. человек в каждом, военный городок, посёлок строителей, ДОК №1, объекты конторы подсобных предприятий (КПП), объединявшей растворный, бетонный, пенобетонный и арматурный заводы и прочее.

Изначально специальное Строительство №601 планировалось в расчёте на использование труда заключённых. 25 апреля 1949 года Министр ВД СССР распорядился об организации при строительстве ИТЛ 1-ой категории с доведением в 1949 году численности контингента до 10 тыс. человек. Приказ предписывал направлять в лагерь только годных к труду заключённых, включая в их состав максимальное число осужденных, владеющих строительными и монтажными специальностями с остатком срока наказания не менее трёх лет. Исполняющим обязанности начальника ИТЛ и Строительства №601 был назначен подполковник А.С. Пономарёв, а его заместителем по лагерю – подполковник Г.М. Бородав.

Закрепившись на временной базе в Томске, стройка начала продвижение на свою основную площадку.

В конце апреля в распоряжение Строительства №601 прибыл военно-строительный батальон численностью 1053 человека, по путёвкам Главпромстроя ехали специалисты – строители и механики, экономисты и бухгалтеры, поступило около 100 вагонов разных грузов. Организации их приёма был посвящен самый первый приказ по Управлению Строительства №601, состоявший из 17 пунктов, продиктованных начавшейся неразберихой в учёте, размещении, хранении материалов и оборудования, и подписанный 30 апреля уполномоченным Главпромстроя подполковником Куртовым. В числе прочих

распоряжений, он поручал недавнему выпускнику Горьковского инженерно-строительного института прорабу В.А. Сперанскому немедленно приступить к строительству платформы-навеса для разгрузки и складирования грузов, а майора А.П. Чиркова обязывал приспособить иглаковскую церковь под склад для электрооборудования и материалов интендантского снабжения.

К 12 мая, когда на площадку прибыл А.С. Пономарёв, стройке уже был открыт банковский счёт с кредитом в 2 млн руб., в штате числилось 113 инженерно-технических работников и служащих, формировались управленческие структуры и функционировали три производственных участка, обозначившие направления развернувшихся работ. Возглавляемый В.А. Сперанским участок был занят устройством временной базы снабжения, восстановительные работы под руководством А.П. Чиркова начались на кирзаводе №17, к строительству временного жилья для солдат и ремонту жилфонда в посёлке Чекист приступил строительный участок, которым командовал С.А. Милорадов.

Фактически работы на основной площадке развернулись в мае. Началось строительство военного городка казарменного типа; лагерной зоны для размещения ожидавшегося этапа заключённых; новых грунтовых и лежнёвых дорог, связывающих эти объекты с лесопилкой, песчаным и гравийным карьерами. Одновременно шёл ремонт и расширение грунтовой дороги, соединявшей посёлок Чекист с Томском и превратившейся под колесами хлынувшего потока груженых подвод в сплошное месиво. Из-за отсутствия механизмов все работы по погрузке-разгрузке материалов, рытью траншей, добыче песка и гравия выполнялись вручную. Прибывшие по распоряжению Главпромстроя из Электростали и Нарвы моторные катки требовали капитального ремонта, и для укатки дорог в Томске были арендованы прицепные катки, что помимо низкого качества работ вынуждало, в ущерб транспортным перевозкам и лесозаготовкам, использовать тракторы. Обнаружились неувязки с проектной документацией, вследствие чего проектирование лагеря для заключённых пришлось вести собственными силами.

Короткое сибирское лето торопило. Высокими темпами шло строительство военного городка. Казармы в нем были круглой формы и за сходство с жилищами кочевников именовались юртами. Эти нехитрые деревянные сооружения на тридцать солдатских коек с печкой-буржуйкой посередине стали первыми «зимними квартирами» солдат-строителей и прослужили стройке несколько лет.

Вскоре на стройке появились первые передовики производства. Ими стали воины-строители отделений младших сержантов Харাপутченко, Артемьева и старшего сержанта Кутепова, которые 11 и 13 июня, работая на обустройстве базы технического снабжения, выполнили производственные задания на 300–450%. За хорошую организацию, дисциплину и высокие результаты труда всему личному составу отделений была объявлена благодарность, командирам отделений выдана премия по 50 руб., премия по 25 руб. была выдана и особо отличившимся солдатам.

27 мая 1949 года последовал Приказ Министра ВД СССР С.Н. Круглова о передаче ИТЛ «А» из подчинения УМВД Томской области в ведение Управления Строительства, закрепивший права использования строителями жилья, производственных и материальных ресурсов лагеря. Спустя месяц, после тщательной ревизии состояния всех строений, контингентов заключённых, финансов, производственной деятельности и делопроизводства, все материальные средства, собственность и личный состав лагеря влились в структуру строительной организации, получившей в связи с этим название «Управление ИТЛ «ГХ» МВД СССР.

Приобретённое имущество состояло из зданий коммунально-бытового, административного назначения, складского хозяйства и 9600 кв. м жилой площади в посёлках Чекист, Архимандритка, Смолокурка, Нефтесиндикат, Белобородово, а также служебных помещений и жилфонда лагерного сектора, состоявшего из 11 двухэтажных деревянных домов общей площадью 8096 кв. м, тоже нуждавшихся в ремонте. Большинство помещений требовало капитального ремонта, а те, что находились в лучшем состоянии – текущего.

На баланс Строительства №601 перешли располагавшиеся на Черемошниках лагерные пункты №3 и №4, принадлежавший лагерю Песочинский сельскохозяйственный участок с 115,5 га земли и молочной фермой, промышленная база, включавшая ремонтно-механический завод с электросверлильным и кузнечным отделениями, литейным и механическим цехами и деревообделочный комбинат,

Рис. 75. Александр Сергеевич Пономарёв, подполковник МГБ, возглавлял строительство с мая 1949 года по ноябрь 1950 года. Из фондов Музея г. Северска.

объединявший деревообделочный, лесопильный цеха и лесобиржу в посёлке Чекист. Из длинного перечня принятых по акту производственных объектов лишь мебельный и инструментальный цеха были признаны исправными, остальное хозяйство требовало текущего и капитального ремонта и не могло соответствовать нуждам строительства ни по объёму, ни по технической оснащённости.

Предстояло в короткие сроки привести это небогатое наследство в рабочее состояние и, впредь до ввода мощностей существовавших пока только в проектах настоящих заводов, запустить на его основе ДОК и примитивные авторемонтный и ремонтно-механический заводы. Небольшая бригада ленинградских проектировщиков не справлялась с объёмом работ, и руководство стройки обратилось за помощью к специалистам-практикам. Досконально зная возможности и узкие места производства, главный механик ДОКа П.Н. Аруев вместе с каторжанами Белоусом и Пивоваровым за 10 дней разработал проект коренной реконструкции предприятия, который с небольшими замечаниями и изменениями был принят к исполнению.

Согласно этому проекту, уже к концу 1949 года вокруг прежних цехов, не прерывая их работы, были построены более просторные. Изношенное оборудование дополнили более современным, а старые стены, осторожно сняв электропроводку, постепенно разобрали. Принятые меры позволили в два с лишним раза увеличить распиловку круглого леса, внедрить безотходную технологию, механизировать самые тяжелые операции. Реконструкция предприятия продолжалась и в 1950 году. Одновременно на правом берегу р. Сухой, между посёлком Чекист и деревней Белобородово, началось строительство нового ДОКа №2. Успела немало послужить стройке и принятая от ИТЛ «А» ремонтная база, к реконструкции которой приложили свои знания и опыт инженеры бывших лагерных мастерских А.Н. Завьялов, А.Н. и А.А. Белобородовы, Т.Г. Сидякин.

В ведение Строительства №601 от ИТЛ «А» было принято 3583 человек каторжан и 1019 человек заключённых, содержащихся в посёлке Чекист, и расположенные на ст. Черемошники лагерные пункты №3 и №4, обслуживавшие шпалопропиточный завод Томской железной дороги. Здесь работало 466 каторжан и 5 заключённых. Был также передан лесоперевалочный комбинат треста Томлес, на котором было занято 458 заключённых, в том числе 120 женщин.

Содержавшиеся в ИТЛ «А» каторжане в большинстве являлись выходцами из западных областей Советского Союза и были осуждены за пособничество фашистам во время Великой Отечественной войны. Независимо от статей судимости в народе их считали «власовцами». В Чекисте они оказались после пребывания в колымских лагерях, где были надорваны непосильной работой, истощены и, согласно принятой в ГУЛАГе классификации по физическому состоянию, около 60% из них были отнесены к четвёртой категории труда. Из-за непригодности к тяжелым работам на строительстве и по соображениям политической неблагонадежности от каторжан стали постепенно избавляться. Первыми партиями в июле и сентябре 1949 года в Озерный ИТЛ на ст. Тайшет Восточно-Сибирской железной дороги было вывезено 1067 в основном тяжелобольных каторжан. В январе и феврале 1951 года, в связи с началом строительства комбината, в распоряжение Воркутлага и Сиблага крупными этапами были отправлены остававшиеся на строительстве более 2 тыс. каторжан, включая инвалидов и стационарных больных.

Первостроители

Летом 1949 года из Томска в посёлок Чекист, в здание, построенное ещё во времена существования Трудовой Коммуны Молодежи, переехало Управление Строительства №601. Продолжалось организационное оформление управленческого и производственного аппарата. 1 июля 1949 года в его структуре, вследствие возраставших объёмов работ, вместо строительных участков были образованы строительные районы, достаточно четко обозначившие задачи, характер и место деятельности.

Первый стройрайон в отчётах за 1949–51 годы не фигурирует, впервые упоминание о нём встречается в 1952 году. Второй стройрайон осуществлял строительство промышленных объектов. Он был выделен как самостоятельный в декабре 1950 года. Третий стройрайон, расположенный в черте города Томска, осуществлял работы по ТПИ, авторемзаводу, кирзаводу №2 и кирзаводу №17, по расширению ГРЭС-2. К нему относились: лесозавод, 2 пилорамы, бетонная установка. Четвёртый стройрайон, организованный в 1949 году, выполнял работы по строительству коммунально-бытовых сооружений, лагерей, учебно-производственной базы МВД СССР. Пятый стройрайон, созданный одновременно с предыдущим, вёл работы по сооружению железнодорожных путей широкой и узкой колеи, автодорог и всех связанных с ними сооружений. Шестой стройрайон существовал с 1949 года по июль 1950 как монтажный. Потом все функции были переданы монтажной конторе №5, а район переключен на

строительство ДОК-2 и завода силикатного кирпича. Седьмой стройрайон, организованный в ноябре 1949 года, осуществлял постройку подсобных предприятий и лагерей. Девятый район был создан в 1953 году на новой площадке для строительства радиохимического завода.

Была образована Лесная контора, объединившая два лесопильных завода с общей пропускной способностью более 200 куб. м круглого леса, две лесоперевалочные биржи (в посёлке Чекист и селе Иглаково), участок по заготовке дров, деревообделочный цех и лесосушки.

В июне 1949 года на строительство стали поступать автомашины, большинство из которых простаивало из-за отсутствия водителей. По приказу начальника Строительства № 601 А.С. Пономарёва в июле были организованы курсы по подготовке 150 шофёров из вольнонаёмных работников и солдат особого военно-строительного батальона (ОВСБ). Привлекались для обучения шоферской специальности и заключённые. В целях укрепления единоначалия, повышения воинской и производственной дисциплины среди водительского состава ОВСБ 2 июля 1949 года распоряжением начальника Строительства командиру батальона подполковнику Г.В. Талабаеву предписывалось выделить весь водительский, ремонтный, сержантский и офицерский состав в отдельную автороту.

Неизбежные издержки периода становления и особенно неукомплектованность служб и отделов квалифицированными специалистами, неопределенность их правовых полномочий и должностных функций порождали множество споров и противоречий. Для разрешения внутренних конфликтов, не входивших в компетенцию народных судов и государственного арбитража, на Строительстве был создан внутриведомственный арбитраж. Приказом начальника Строительства №601 его главным арбитром был назначен начальник финансового отдела капитан О.Л. Щамель, а его заместителем – главный бухгалтер лейтенант Ю.А. Орловский.

Трудности начального периода заключались и в том, что Управлению Строительства №601 помимо производственных задач приходилось решать задачи бытового и социального обустройства работников, организации снабжения и общественного питания, обучения школьников и ухода за малышами, медицинского, культурного обслуживания. У истоков социальной сферы посёлка стояли: начальник медицинской службы ИТЛ и строительства лейтенант Д.З. Тукациер, первая заведующая поликлиникой вольнонаёмного и офицерского состава В.А. Бабушкина, врач В.Д. Коржавина, фельдшер-акушер О.Н. Великанова, начальник медицинского снабжения ИТЛ капитан М.О. Карась, начальник обзновещевой службы ИТЛ лейтенант Н.А. Ретунский, начальник центральной пошивочной мастерской С.М. Онучин, заведующая столовой для вольнонаёмного и офицерского состава В.И. Артемьева и другие.

В июле на строительство прибыл первый этап заключённых численностью свыше 4 тыс. человек. Для их размещения было отведено лагерное отделение №1, состоявшее из 29 бараков общей жилой площадью около 10 тыс. кв. м, в том числе 24 барака площадью более 8 тыс. кв. м для заключённых и 5 бараков для охраны. Ввод заключённых в работу позволил в третьем квартале 1949 года повысить темпы строительства на всех объектах. А в сентябре в ведение ИТЛ и Строительства №601 был принят размещавшийся в районе ст. Томск-1 отдельный лагерный пункт ОИТК УМВД Томской области, где содержалось 1553 человек, из них 1047 мужчин. В городе он располагал незначительной подсобно-вспомогательной базой, состоявшей из лесопилки, сапожно-портновского цеха и нескольких мастерских ремонтно-механического профиля, но обслуживал немалое сельскохозяйственное производство. В окрестностях сел Заварзино, Межениновки, Бражнино, отстоявших от Томска на 18–30 км, лагерь имел 395 га земель, засеянных зерновыми, овощами, корнеплодами, однолетними травами, и фермы по разведению коров, свиней, овец. В хозяйстве было 140 лошадей, из них 77 – рабочего возраста, тракторы, прицепная техника. Эти сельхозугодья стали основой подсобного хозяйства Строительства №601, а в дальнейшем – комбината и города. Принятые от лагеря мастерские были быстро приспособлены для нужд третьего строительного района. Контингенты заключённых продолжали

Рис. 76. Солдаты ВСБ – водители автотранспорта, село Иглаково. 1949 год. Предоставлена В.Т. Белобровом.

Рис. 77. Бывший з/к Николай Иванович Терещенко. Реабилитирован в 1953 году. 1960-е годы. Предоставлена детьми Н.И. Терещенко.

поступать, и общая их численность на 1 января 1950 года составила 10 912 человек.

Для стимулирования эффективной работы заключённых, в соответствии с действовавшим в МВД Положением «Об организации труда заключённых», с 1 июля 1949 года на Строительстве №601 вводилась система «зачёта рабочих дней», позволявшая всем без исключения осужденным, систематически выполнявшим и перевыполнявшим нормы выработки и соблюдавшим лагерный режим, значительно сократить установленный срок наказания. При выполнении месячной нормы выработки на 100–120%, занятым на основных работах в строительстве и на подсобных строительных производствах заключённым отработанный день засчитывался за 1,5 дня, 121–135% – 2 дня, 136–150% – 2,5 дня, от 151% и выше – 3 дня. На вспомогательных работах зачетный коэффициент был несколько ниже и составлял соответственно 1,25 дня, 1,5 дня, 1,75 дня и максимально 2 дня. Для поощрения труда механизаторов, рабочих-станочников и инженерно-технических работников, занятых непосредственно на производстве, один день засчитывался за три при выполнении подчиненным им подразделением производственного плана более чем на 140%. Зачет рабочих дней и оформление снижения срока пребывания в лагере проводились раз в квартал, результаты объявлялись заключённым.

В целях повышения производительности труда осужденных, поощрения занятых на тяжелых и основных работах и привлечения к ним ослабленных неполноценным питанием, приказом начальника Строительства с 1 июля вводилась система «дифференцированного питания». Она предусматривала увеличение на 25% пайка всем заключённым, состоявшим на довольствии по основной норме, и выдачу дополнительно 100 г хлеба занятым на тяжелых физических работах. Перевыполнение нормы выработки до 115% поощрялось дополнительным пайком в 100 г хлеба, а при выработке от 116 до 130% помимо хлебной добавки выдавалось 80 г круп, 15 г сахара, по 20 г рыбы и мяса. Дополнительный паек утраивался при выполнении трудовой нормы свыше 150%. Рекордистам кроме дополнительных пайков готовились блюда повышенной калорийности и вкусовых качеств (пирог, рыбопродукты и так далее).

В сочетании с материальными применялись моральные стимулы к добросовестному и производительному труду. Достижения передовых бригад, звеньев и работавших самостоятельно заключённых пропагандировались в стенной печати, на Доске показателей, в специальных выпусках «молний». Развернул деятельность Центральный штаб трудового соревнования заключённых. По разработанным им условиям было проведено межлагерное соревнование в честь 32-й годовщины Октябрьской революции, победителем, которого вышло располагавшееся в посёлке Чекист лаготделение «А». Штаб организовал слёт отличников производства передового лаготделения, где были подведены итоги работы третьего квартала, намечены задачи на следующий. 190 из 250 участников слёта администрация Строительства №601 отметила «Благодарностью с занесением в личное дело», часть из них получили денежные премии: рабочие по 15–20 руб., инженерно-технический персонал – 25–30 руб. Совокупность принимаемых мер позволяла в течение нескольких лет поддерживать довольно высокий уровень производительности труда заключённых. В 1949 году средний показатель нормы выработки на человека составил 94,3%.

Но за образовавшиеся льготы для заключённых надо было платить. Приказом от 13 июня 1949 года «О сокращении расходов на содержание контингентов» перед Строительством №601 была поставлена задача перевести контингенты на полную самоокупаемость, в соответствии с указанием Главпромстроя МВД СССР о запрещении включения в стоимость работ плановой стоимости рабочей силы из числа контингентов и отсутствия каких-либо дотаций на их содержание. Экономия должна была составить 10%.

В результате, все контингенты были передислоцированы так, чтобы свести до минимума простой, на 10% сокращались штаты лагерной obsługi. На работу направлялось на 10% меньше людей, чем требовалось для её выполнения. В результате, каждый з/к должен был не просто выполнить, а перевыполнить прежнюю норму, чтобы работа была зачтена. Жестко контролировался учёт работ; за приписки, дезорганизацию производства сурово наказывали. Содержащиеся в ШИЗО (штрафной изолятор) теперь выводились отдельными бригадами на специальные работы. Вводилась практика оставления

бригад до выполнения нормы сверх установленного рабочего дня (а он составлял 10 часов). Оперативный отдел должен был усилить борьбу с «промотами и растратами казенного имущества». Для того чтобы заключённые не продавали и не выменивали казенные вещи, использовались внезапные проверки наличия вещдоговорности у отдельных з/к, обязательное клеймение всех казенных вещей, вшивание в верхнюю одежду бесконвойных заключённых полос (клиньев), делавших вещь приметной, обрезка валенок на 10–15 см. Промотчики наказывались заключением в ШИЗО, получали выговоры, уже в 1949 году на 18 человек в Томских лагерях было заведено уголовное дело, в результате 2 человека получили дополнительный срок по 2 года.

Продолжалось формирование отделов управления, производственных подразделений и лагерных служб. Относительно легко заполнялись вакансии руководящего состава. МВД СССР, располагая солидной номенклатурой занятых на немногочисленных стройках этого ведомства и в ИТЛ специалистов разного профиля, направляло их на новый объект. Таким образом, к концу 1949 года по каналам Главпромстроя и ГУЛАГа в порядке перемещения на строительство прибыло 268 офицеров, в том числе 85 специалистов производственного сектора и 183 человека для работы в лагерном секторе.

Сложнее шёл процесс поиска и расстановки специалистов-производственников среднего звена. Две трети поступивших в 1949 году на строительство по разрядам МВД инженерно-технических работников являлись молодыми специалистами. Большие трудности возникли по подбору кадров из населения Томской области, в составе которого было много спецпоселенцев, выселенцев, административно высланных и прочих категорий, считавшихся неблагонадежными гражданами. Поэтому, как отмечалось в отчете отдела кадров за 1949 год, оказалось «очень трудно подобрать работника, который по своим деловым и политическим качествам отвечал бы требованиям для работы на строительстве». Чтобы остановить выбор на 954 местных жителях, соответствовавших требованиям, работникам кадровой службы пришлось побеседовать с 5–6 тыс. человек, изъявившими желание работать на стройке.

Но и столь внимательный отбор не обеспечивал надлежащего заслона от проникновения «лиц, скрывавших компрометирующие анкетные данные». Их выявлением занимались «компетентные органы». Вследствие спецпроверки документов 1358 человек, прибывших на работу в 1949 году, 28 человек по компрометирующим материалам были уволены, а 56 специалистам, отобранным на предприятиях народного хозяйства, в приёме на работу было отказано. 6 офицеров, временно занимавших руководящие должности, из-за несоответствия режимным требованиям были отозваны в начале строительства. Документы военизированной охраны, составлявшей к концу 1949 года 1073 человека, не подлежали спецпроверке органами МГБ.

Однако безупречность биографии и родственных связей не могли компенсировать недостаток способностей, знаний и опыта. Лишь 28 работников строительства были назначены на должности, на которых ранее проработали более года. Расстановка кадров на основе анкетных данных и рекомендаций прежнего начальства сопровождалась многими разочарованиями и влекла частую, иногда поспешную смену руководителей разных уровней: от начальников строительных районов и лагерных отделений до прорабов, что отрицательно сказывалось на общих результатах работы.

Комплектование вольнонаёмных кадров за счёт местного населения, членов семей сотрудников строительства и приглашенных из других городов шло как путем непосредственного приёма на работу по уже имевшейся профессии, так и зачисления на различного рода курсы для овладения нужной строительству специальностью с последующим оформлением на работу. В первый период особенно острую потребность Строительству №601 испытывало в производственно-технических и счётных работах. По договору с областным Учебным комбинатом ЦСУ СССР в Томске были организованы курсы по подготовке бухгалтеров, плановиков и нормировщиков. К концу 1949 года они выпустили 70 специалистов, а в начале 1950 года состоялся выпуск ещё 100 человек. В Томском коммунально-строительном техникуме обучались десятники-строители. Курсовым методом с отрывом от производства велась подготовка рабочих сложных профессий: шоферов, экскаваторщиков, трактористов, бульдозеристов, электросварщиков. Всего в 1949 году было подготовлено 269 специалистов.

Зачисленные на строительство молодые рабочие кадры в основном были малоквалифицированными или вовсе не имели строительных специальностей. Многие из тех, чье детство пришлось на годы войны, не закончили и средней школы. 1303 человека из 2571 принятых на строительство и в ИТЛ имели

В послевоенный период всем работавшим на стройках Главпромстроя МВД СССР инженерно-техническим работникам предлагалось пройти аттестацию для присвоения офицерского звания. Были восстановлены звания и занятым на инженерно-технических должностях в системе МВД офицерам запаса Советской Армии. Поэтому подавляющее большинство специалистов Главпромстроя были подчинены военной дисциплине, но в отличие от армейской, в структуре МВД служебная должность не определялась офицерским чином.

лишь начальное образование, а низкий общеобразовательный уровень затруднял их профессиональную подготовку. По этой причине не удалось выполнить план набора в группу подготовки десятников. При огромной в них потребности из намечавшихся на 1949 год 50 человек смогли обучить всего 25. А из четверых курсантов, направленных по распоряжению Главпромстроя для овладения профессией машиниста-экскаваторщика, технику освоил только один, остальные по возвращении использовались на других работах.

Самой распространенной и массовой была производственно-бригадная форма подготовки рабочих кадров без отрыва от производства. Сочетая теоретические занятия в объёме 50–70 часов с практической работой под руководством опытного мастера, производственно-бригадный метод позволял в течение 2–3 месяцев дать необходимый минимум знаний и производственных навыков. Он одинаково успешно применялся в работе с вольнонаёмными, солдатами и заключёнными, давал возможность быстро приспособиваться к нуждам стройки. Так, в связи со строительством в 1949 году деревянного жилья с печным отоплением было подготовлено 184 печника и 31 каменщик. На следующий год соотношение изменилось. Всего методом производственно-бригадного обучения строительные специальности в 1949 году получило 685 человек. В 1950 году был образован отдел подготовки кадров. Масштабы его деятельности по мере с увеличения объёмов строительства постоянно возрастали, но испытанные в 1949 году формы и методы работы существенно не менялись.

Преодолевая многочисленные трудности, стройка входила в рабочий ритм. Ремонтировались принятые от ИТА «А» дома. Согласно инвентаризации построек 24 дома требовали капитального ремонта, а 21 дом комиссия признала вовсе непригодным для заселения, но из-за острой необходимости под жильё были приспособлены и те и другие. Из готовых деревянных конструкций монтировались бараки и юрты, образуя временные посёлки строителей. С бараков и нескольких моделей каркасно-щитовых «финских» домов началась застройка и будущего заводского посёлка, получившего вскоре неофициальное название «Берёзки».

Вопреки ласковому названию, местность, которую строителям предстояло вскоре обжить, встретила их неприветливо. Отведенная под первые кварталы посёлка территория Иглаковской лесной дачи в основном была покрыта лесом и заболочена, а бесконечные дожди в июле и августе 1949 года сделали её непроходимой. По воспоминаниям старожилов, когда прорубались просеки для первых улиц посёлка, рабочие буквально тонули в вязкой грязи, а материалы и инструменты можно было под-

ветераны города несколько расходятся в объяснении первого названия посёлка. Одни связывают его с открывавшимся с речного простора живописным пейзажем высокого берега, другие – с памятью о располагавшейся на месте будущих кварталов берёзовой рощи, третьи утверждают, что выбор названия происходил на конкурсной основе. Так или иначе, но в ряду появившихся в зоне строительства топонимов: «Осинка», «Роща», «Полянка», «Сосновка», берёза, как своеобразный символ России, должна была занять достойное место.

везти только на лошадях и по лежнёвой дороге.

Поначалу «лежнёвки» были единственной нитью, связывавшей строительные площадки со складами, лесопилкой, карьерами. Это нехитрое сооружение, состоявшее из покрытого досками сплошного бревенчатого настила, для прочности скрепленное штырями и поверху опоясанное толстой проволокой, строители даже именовали «дорогой жизни». Под тяжестью грузов она проседала, впуская в щели грязную жижу. Поток транспорта мог двигаться лишь в одном направлении, а для разъездов строились специальные площадки. В 1949 году таких дорог было построено 5,2 км, а ещё 6 км внутрипостроечных дорог было подсыпано шлаком и гравием. Основная гравийная магистраль длиной в 15 км надёжно связала ставший базой строителей посёлок Чекист с Томском и протянулась далее в сторону посёлка Берёзки.

Рис. 78. Каркасно-засыпной барак на 24 комнаты и интерьер жилого помещения. 1950-е годы. Предоставлена В.А. Барачкиным.

Шли строительно-восстановительные работы на железной дороге узкой колеи. Уже в августе 1949 года открылось движение по узкоколейке протяженностью 14 км, позволившее ослабить напряжение с перевозкой грузов по маршруту Черемошники–Чекист–Парусинка–Берёзки. Развернулось железнодорожное строительство нормальной колеи. Главный путь длиной 18,6 км должен был связать ст. Томск-II с будущей промплощадкой и для нормальной эксплуатации нуждался в строительстве ещё более 4 км вспомогательных станционных путей. Строительство велось в тяжелейших условиях. Рубка леса, корчевка пней, землеройные работы выполнялись вручную. Единственным механизмом был 15-метровый ленточный транспортер. Мощная техника начала поступать только осенью. Тем не менее, ручной труд использовался на Строительстве №601 и в дальнейшем. Рассказывая о первых годах жизни города, редко какой северчанин не упомянет строительство канала, осуществлявшееся без какой-либо механизации женщинами-заключёнными.

Из-за низкой производительности труда срывался график работ, создавалась угроза разрушения уже сделанного. Чтобы завершить устройство переходов через реки Большая и Малая Киргизка до наступления весеннего паводка, зимой работы на этом участке были организованы в две смены по 10 часов каждая. Для укрепления ударного участка на него была переброшена снятая с других объектов техника. Была введена прогрессивно-премиальная оплата труда занятых обслуживанием механизмов и транспорта вольнонаёмных рабочих и солдат. Экстренные меры позволили несколько выправить положение. Всего к концу года было уложено около 7 км пути, но весь комплекс работ удалось завершить лишь на двух железнодорожных тупиках для разгрузки прибывавших в адрес строительства грузов протяженностью по 480 м каждый.

Столь же трудно давалось возведение жилья. Габаритные щиты и детали домов подвозились в основном на лошадях, а внутри строительной площадки переносились вручную. Да и сами площадки были похожи на маленькие островки среди болота. Почва под ногами была твёрдой лишь там, где её закрепили люди. И все же дома росли, и к началу зимы, в тот год круто заявившей о себе сильными морозами уже в канун ноябрьских праздников, многие строители справили первые новоселья. Всего в 1949 году было построено 5885 кв. м жилья, в том числе: 12 двадцатичетырёхкомнатных общежитий барачного типа на 90–100 человек каждое и 43 «финских» дома. Но жилья не хватало. Около 200 семей офицеров и вольнонаёмных снимали квартиры в Томске, Белобородово, Иглаково.

Обживался военный городок, где было построено 47 юрт с жилой площадью 3760 кв. м, 2 склада, баня, кухня-столовая. В декабре 1949 года на строительство прибыл из Красноярска второй военно-строительный батальон численностью 458 человек. В 1950 году строительные батальоны были объединены в один полк под командованием Г.А. Талабаева, а из пополнения 1950 года создан второй военно-строительный полк. В составе Строительства №601 действовало 3 хозяйственных лагерных отделения, включавших 7 лагерных пунктов, которые поставляли рабочую силу разметавшимся на обширном пространстве строительным объектам.

В конце 1950 года в посёлке началось формирование военно-учебного заведения, получившего название Томского военно-технического училища. Начальником училища был полковник Петр Михайлович Кравченко – член КПСС с 1943 года, ветеран Великой Отечественной войны. Процесс создания училища был сложный. Стояла жилищная проблема, первоначально личный состав размещался в бараках. Занятия проводились в мало приспособленных для этого помещениях. Не хватало учебников, наглядных пособий, технических средств обучения. Это требовало большого напряжения моральных и физических сил курсантов,

В воспоминаниях Любви Тимофеевны Булановой, приехавшей на строительство в 1949 году, есть любопытный эпизод. Семья Ильи Буланова, офицера МГБ, по приезде на строительство снимала «угол» в доме жителя деревни Белобородово. Однако, когда хозяин собрался уезжать и продал дом на дрова, семье пришлось освободить занимаемое помещение. В результате, несмотря на то, что на дворе стоял октябрь, семья, в которой были маленький ребёнок и беременная женщина, некоторое время ютилась в шалаше, а потом её пустили в контору.

Рис. 79. Финские дома на две семьи. 1950-е годы.
Из фондов Музея г. Северска.

Решение о создании военно-строительных частей и других воинских структур при ПГУ было принято 25 сентября 1948 г. «Позднее, в 1954–1956 гг., общая численность военно-строительных частей в Северске была значительно выше, чем в других городах системы: от 35 000 до 40 000 человек. Это превышало численность постоянного населения города», – вспоминает ветеран вооруженных сил, полковник в отставке Иван Петрович Подтихов. Военные строители были основной силой на строительстве объектов СХК, а позднее – и жилой части города. К 1970–1975 гг. общая численность Управления военно-строительных частей была на уровне уже примерно 10 000 человек. В 1995 году военно-строительные части Северска были расформированы.

командиров, преподавателей. Но, несмотря на трудности, учебный год начался вовремя. 1 октября 1951 года в училище прозвучал первый звонок. Курсанты понимали, что для выполнения ответственных задач в будущем нужна хорошая политическая, военная и специальная подготовка. В марте 1952 года в училище был произведен первый выпуск офицеров – командиров взводов. А в августе того же года выпущены офицеры основного курса. Общая численность – более 300 человек. Позднее, в октябре 1952 года, Томское училище переехало в г. Новосибирск и получило название Новосибирское ВТУ. В 1973 году на его базе создано Волжское военное строительно-техническое училище в г. Дубна Московской области.

Среди выпускников ВТУ были Иван Анатольевич Мишин, впоследствии – директор гравийно-механизированного завода Управления «Химстрой», и подполковник запаса, Депутат Государственной Думы Томской области Владимир Георгиевич Долгих.

Постановление Совета Министров СССР о выделении 6756 га земель под строительство Комбината №816 было принято 5 декабря 1949 года. Оно лишь узаконило согласованные ранее с местной властью ре-

шения и закрепило уже состоявшееся отчуждение Строительством №601 этой территории. Помимо 1050 га земель государственного фонда, на которых размещались участки лесной дачи «Зоновская» и Кузовлевского лесничества, в зону строительства полностью отходили земли колхозов «Вперед к социализму» (2929 га) и «Красный Иглаковец» (2777 га), закреплённые за ними государственными актами в вечное пользование.

Соблюдая процедуру изменения статуса земель, включавших 809 га пахоты и 51 га приусадебных участков жителей деревень Белобородово и Иглаково, Томский райисполком и райком ВКП(б), подгоняемые директивами из Москвы и требованиями Главпромстроя в лице местных его представителей, в середине апреля 1949 года провели общие собрания колхозников, единогласно изъявивших желание переехать на новое место жительства. Переселение предполагалось начать немедленно, с тем, чтобы колхозники могли участвовать в посевной кампании 1949 года и успели засадить собственные огороды.

Местом вселения колхоза «Вперед к социализму», насчитывавшего 80 дворов и 259 жителей, в том числе 121 трудоспособных, был определен колхоз «Заветы Ильича» в деревне Сухарево Петуховского сельского совета, находившийся на расстоянии 45 км от Белобородово. Колхоз «Красный Иглаковец», имевший 127 дворов, где проживало 444 человека, из них 127 трудоспособных колхозников, должен был переехать в располагавшуюся в 50 км от Иглаково деревню Белоусово и слиться с колхозом «Красная волна». Для поощрения переселения предусматривалось списание всех недоимок по государственным сельскохозяйственным поставкам, налогам и страховым платежам, как переселяемым, так и принимавшим переселенцев колхозам, а также, начиная с 1950 года, освобождение объединенных колхозов от уплаты сельскохозяйственного и подоходного налогов на 3 года. По желанию колхозников объединенные колхозы получили названия: «Заветы Ильича» и «Им. Сталина».

Все расходы, связанные с переселением и обустройством на новом месте, компенсацией стоимости оставляемых строений и выплатой подъемных в размере 1000 руб. на каждого переселенца, относились на счёт Главпромстроя МВД СССР. Непосредственным исполнителем работ выступало Управление Строительства №601. Общая стоимость затрат, по произведённым к началу 1950 года специалистами Ленгипростроя расчётам, должна была составить 10065,55 тыс. руб., в том числе крупному колхозу «Красный Иглаковец», где было много больших и добротных домов колхозников, причиталось 6305,85 тыс. руб. и колхозу «Вперед к социализму» – 3759,7 тыс. руб. А спустя 3 месяца при новом пересчёте предполагаемые затраты были сокращены почти на 1500 тыс. руб.

Но ни весной 1949 года, ни к посевной следующего года переселение колхозов не началось. В марте 1950 года облисполком обратился к всесильному А.П. Берии с просьбой воздействовать на Министерство финансов о быстрейшем выделении средств на оплату стоимости строительных материалов, необходимых для обустройства людей в новых колхозах, но и она осталась без ответа. Из-за отсутствия ассигнований, материальных ресурсов и рабочих рук строительство жилья, общественных и производственных объектов в Белоусово и Сухарево не велось, а окончательные сроки переселения колхозов неоднократно переносились; пересматривалась и сметная стоимость затрат.

Шло время. Дважды успели смениться начальники Управления Строительства №601, и заметно побавилось число готовых к переезду жителей Белобородово и Иглаково, а около 50 трудоспособных человек из бывших колхозников, воспользовавшись неопределенностью своего социального статуса, покинули родные деревни, прежде чем процесс отселения колхозов сдвинулся с мертвой точки. В начале 1952 года желание уехать из Белобородово изъявили 22 семьи, численностью 84 человека, из них 39 трудоспособных; а покинуть Иглаково согласилось 35 семей, насчитывавших 148 человек, в том числе 59 человек, способных работать в колхозе. Облисполком разрешил Управлению Строительства №601 принять 45 жителей деревни Белобородово и 60 человек бывших колхозников «Красного Иглаковца», пожелавших работать на стройке. Сократились и связанные с отселением колхозов расходы. К маю 1952 года они составили 4848,5 тыс. руб., для завершения обустройства колхозов на счету оставалось 719,3 тыс. руб.

В 1949 году Управление Строительства №601, решив задачи по устройству основных дорог, элементарных жилищно-бытовых условий 15-тысячного коллектива, организации необходимых служб и подразделений, смогло создать плацдарм для дальнейшего развёртывания работ. К концу года в его производственную структуру входило 5 строительных районов и 8 подсобно-вспомогательных производств. Однако стройка, набравшая было разбег, неожиданно споткнулась о невидимое препятствие неопределенности дальнейших перспектив. С ноября 1949 года прекратилось финансирование. Из 104 млн руб. предусмотренных первоначально финпланом, фактически было отпущено немногим более 57 млн, перестала поступать проектная и техническая документация, сократился поток грузов. И хотя целенаправленно работы не сворачивались, производственные объёмы снижались, падала производительность труда. Что побудило руководителей программы усомниться в правильности прежних решений и, несмотря на вложенные средства и затраченное время, законсервировать стройплощадку, остается загадкой, ответа на которую в документах Управления АО «Химстрой» и УКСа Сибирского химического комбината нет. Объяснений причин временного перевода томской стройки на запасные пути атомной магистрали не может не быть в материалах ПГУ и Главпромстроя, но их архивы остаются под надежной охраной грифа секретности. И неизвестно, какие бури прошумели в московских кабинетах, прежде чем в апреле 1950 года началось оживление. Было возобновлено проектирование получившей финансирование и новый шифр №545 (первоначально все задания и работы, выполнявшиеся для Комбината №816, шли под шифром №535) стройки. Из-за позднего утверждения правительством плана капитальных вложений шло оно с большой задержкой. Так, счёт в 30 150 тыс. руб. на первое полугодие был открыт лишь 30 июня, сдвинулись сроки перевода средств и в последующие кварталы.

Выход из кризиса был трудным. Чтобы наверстать упущенное, неоднократно пересматривался план по отдельным объектам, в целом произошло его удвоение. Огромный административно-плановый механизм работал рывками. Пробуксовывание в одних его узлах создавало чрезвычайное напряжение в других. Несогласованность проектно-технического и материально-технического снабжения, вызвавшая в 1949 году невыполнение плана строительства предприятий конторы подсобных производств в районе, названном «Кузьминкой»*, сохранялась и в 1950 году. Стройка продолжала принимать металлоконструкции, изготовленные для типовых заводов по производству стройматериалов, тогда как типовые проекты переделывались из-за их непригодности в местных условиях. В связи с затянувшимся до апреля 1950 года перепроектированием заводов Ленгипростроем, складские площадки стройки заполнялись дорогими, но не нужными ей изделиями. Прибытие подвижного состава для железной дороги нормальной колеи опережало поступление землеройной техники для механизации работ на строительстве насыпи под укладку полотна. Множество подобных неувязок создавало дополнительные трудности в планировании и организации работ.

Обстановку неуверенности, излишней нервозности поддерживала кадровая политика Главпромстроя. 7 февраля 1950 года, проработав всего полгода, строительство покинул главный инженер полковник Г.И. Мельников, а спустя четыре месяца в распоряжение Главпромстроя был отозван и начальник Строительства №601 А.С. Пономарёв. Исполнение обязанностей начальника управления ИТЛ и строительства было возложено на исполняющего обязанности главного инженера подполковника А.В. Иорданского. Высокая инженерная квалификация и знание производства позволяли А.В. Иорданскому справляться с обязанностями, но огромная нагрузка совмещения двух ведущих постов отвлекала от проблем технического развития стройки. Только 27 ноября 1950 года в должность нового

*Существует несколько версий, кем был Кузьмин – в одних воспоминаниях говорится, что он был начальником располагавшегося там лагеря, в других его называют лесником.

Рис. 80. Подполковник МГБ Николай Маркелович Иванов, руководил строительством с 1950 по 1952 год.

Из фондов Музея г. Северска.

Рис. 81. Первый начальник политотдела Строительства №601 А.С. Маркешкин.

Из фондов Музея г. Северска.

начальника Строительства №601 вступил подполковник МГБ Н.М. Иванов, а А.В. Иорданский вернулся к своим прямым обязанностям.

За время кризиса негативные изменения произошли в составе рабочей силы. В первом квартале 1950 года на другие стройки было вывезено более 2000 владевших специальностями, трудоспособных заключённых. Вместо них, в связи с оживлением стройки, во втором квартале было направлено около 5000 новых заключённых. Их численность возросла до 13585 человек и до конца года существенно не менялась.

Но стройка жила, создавались новые службы, совершенствовалась структура управления. В начале 1950 года Политуправлением МВД для организации партийной работы на строительство, где насчитывалось 456 членов и кандидатов в члены ВКП(б), был направлен подполковник А.С. Маркешкин. Опыт и организаторские способности позволили ему быстро объединить коммунистов Управления Строительства №601, исправительно-трудовых лагерей, производственных коллективов и военно-строительных батальонов в единую организацию, по-армейски именованную Политотделом. За компетентность и деловитость, доступность и справедливость начальник Политотдела пользовался всеобщим уважением. Его скоропостижная смерть июльским днём 1952 года во время торжественной отправки детей в пионерский лагерь потрясла стройку, а траурная церемония вылилась в политическую акцию. Новым начальником Политотдела был назначен полковник А.А. Васильев.

В апреле 1950 года на Строительстве №601 была образована профсоюзная организация – Построечный комитет, первым председателем которого был избран М.В. Маркин, работавший до того начальником цеха ДОКа. Ему удалось сплотить профсоюзный актив и создать крепкую структуру, бессменным руководителем которой он оставался 6 лет, что в обстановке постоянных реорганизаций и смены кадров уже само по себе было примечательно. Несмотря на ведомственную принадлежность Строительства №601, определявшую особый стиль отношений и субординацию, Построечный комитет выработал действенные методы работы, позволявшие ставить перед Министерством и администрацией предприятия задачи защиты интересов рядовых работников строительства и последовательно добиваться решения вопросов, которые плохо организованный быт и социальная сфера, тяжелые условия труда и материальные трудности во множестве выдвигали каждый день.

В 1950 году Строительство №601 совместно с субподрядными организациями смогло освоить около 181 млн руб., что в 2,5 раза превысило объём капиталовложений 1949 году. Годовой план был выполнен на 98,4%. Большим достижением, открывшим перспективы дальнейшего развития, стал ввод в эксплуатацию ЛЭП-35 и начало железнодорожного движения по нормальной колее, связавшей стройплощадку с Томском. Закончилась реконструкция принятых от ИТЛ «А» ДОКа и РМЗ, в составе которого было оборудовано 4 цеха. Но только литейный цех, работая в 2 смены, был в состоянии обеспечить потребности строительства. Производственные мощности ремонтно-механического, машиноремонтного и цеха металлоконструкций были недостаточны для поддержания в рабочем состоянии увеличившийся парк автомашин, строительной техники, оборудования. По сравнению с 1949 годом количество автомашин выросло на половину и к концу года их насчитывалось 320, в том числе 290 грузовиков. Было 44 трактора, 16 экскаваторов, 6 бульдозеров, другая техника, но общий уровень механизации на строительстве оставался низким и в целом едва достигал половины запланированного. Даже земляные и погрузо-разгрузочные работы были механизированы соответственно на 56,5 и 48%.

Летом 1950 года в северной части Томска на 6,81 га земли, выделенной Томским горсоветом Управлению Строительства №601 в бессрочное пользование, началось строительство нового авторемонтного завода. Спустя 2 года, когда завод готовился к пуску, к северо-западной части этой территории добавилось ещё 1,29 га для строительства заводского посёлка. Новая площадка по расширению политехнического института появилась у базировавшегося в Томске третьего строительного района.

Началось строительство учебной базы для подготовки кадров эксплуатационников будущего комбината. Силами седьмого строительного района, в конце 1949 года специально выделенного из состава четвёртого района для строительства заводов подсобных производств, летом 1950 года в Кузьминке развернулось, наконец, строительство конторы подсобных производств в составе растворного, бетонного, пенобетонного, арматурного заводов и завода железобетонных изделий, а в Копылово началось строительство завода силикатного кирпича.

Продолжалось жилищное строительство. После реконструкции стал выдавать продукцию кирпичный завод №17 производительностью 10 800 штук кирпича в год, вступил в эксплуатацию завод шлакоблоков. Это позволило в 1950 году приступить к строительству в посёлке Берёзки первых 8- и 12-квартирных шлакоблочных домов, но основным строительным материалом оставалось дерево. К началу 1951 года жилфонд включал 131 дом с общей площадью 19905 кв. м, на которых проживало 4164 человека. Однако такие темпы не удовлетворяли потребностей, и жилищная проблема обострялась. Хотя на каждого жителя в среднем приходилось всего 4,7 кв. м площади, увеличилось число работников не имевших и её. К концу года их вместе с членами семей насчитывалось 978 человек.

Производство строительных материалов испытывало дефицит сырья. Запроектированных и разведанных запасов песка и гравия оказалось недостаточно. Обнаружилось, что залежи копыловского бутового камня совершенно непригодны для использования, а запасов шлака на томской ГРЭС-2 и ст. Тайга хватило лишь на 5 месяцев работы. Начались его поставки из Юрги, Топков, что удорожало себестоимость, но и эти запасы вскоре были исчерпаны. Потребности завода шлакоблоков, способного выпускать 2 млн штук в год, полностью не удовлетворялись. К 1953 году запасы паровозного шлака были исчерпаны на Томской и Красноярской железных дорогах в радиусе 500 км. Наиболее реальным выходом из тупика был переход на легковесный гранулированный шлак Новокузнецкого металлургического комбината, что вскоре и произошло.

Решением научно-технических вопросов по тематике Зауральского комбината занималась Лаборатория №2 (ЛИПАН) и на основе составленных там проектных заданий в ЛГС велось проектирование как отдельных производств, так и общей компоновки комбината. Главным инженером проекта был назначен И.З. Гельфанд, заместителем главного инженера – А.Е. Россинский, группой проектировщиков диффузионного завода руководил М.М. Добулевич. Все они ранее принимали участие в проектировании Комбината №813 (Свердловск-44).

В конце 1949 года на стройплощадку для организации контроля за соблюдением технических условий, соответствия проектам и качества строительных работ прибыли начальник Управления капитального строительства (УКСа) К.А. Каргин и его заместитель – главный инженер УКСа В.П. Смирнов. Первые представители Зауральской конторы стали ядром формирования коллектива комбината и собственным примером на годы вперед заложили главные принципы производственных отношений, в основе которых были высокий профессионализм, самоотдача и исполнительность. Первое время груз уже накопившихся и постоянно возраставших в связи с увеличением масштабов строительных работ проблем приходилось нести начальнику и главному инженеру УКСа. Отсутствие в аппарате инженеров-кураторов по специальностям не позволяло организовать тщательный контроль качества выполненных работ, а отсутствие в штате бухгалтера не давало возможности открыть банковский счёт и вести учёт начавшего поступать оборудования. Только в середине лета 1950 года на площадку прибыли главный бухгалтер И.П. Увин, старший инспектор спецчасти В.И. Фаворский и Е.В. Фаворская, которой временно пришлось совмещать все технические должности.

Расширение аппарата УКСа совпало с окончанием строительства в Берёзках первого двухэтажного брусчатого дома, располагавшегося на улице, носившей проектный номер 38, и УКС, вместе с бригадой ленинградских проектировщиков, численность которой колебалась в пределах 15–25 человек, занял первый этаж нового дома; на втором этаже разместилось жильё. Штат УКСа быстро увеличивался за счёт перевода кадров других предприятий ПГУ и молодых специалистов. Среди первых

На долю И.А. Щёкина выпали исключительно ответственные задачи: закладка организационных основ будущего комбината, подбор кадров руководителей отделов и служб, запуск первых производств. До назначения в Сибирь большой отрезок его трудовой биографии был связан с работой в Москве и непосредственным общением с руководителями Советского правительства, что, очевидно, наложило отпечаток на его манеры, стиль общения и даже внешний облик. Жесткому давлению на подрядчика И.А. Щёкин предпочитал объективный анализ его возможностей и недостатков, апеллируя к Первому Главному Управлению при Совете министров СССР, мягко отмечал и просчеты руководства. Неизменно сдержанный и корректный, он строго следовал субординации, уважал достоинство подчиненных и высоко ценил свое собственное.

Любопытные штрихи к портрету первого директора содержатся в его личных ответах на жалобы и запросы в вышестоящие партийные и государственные органы работников комбината, строителей, командира в/ч 3358 внутренней охраны МВД СССР подполковника Г.Т. Звонарева, сохранившиеся в архиве комбината. В них содержатся скрупулезные, подчёркнуто вежливые и профессионально выверенные ответы и пояснения.

Рис. 82. На строительной площадке промзоны. 1950-е годы.
Предоставлена Г.Н. Томиловой.

его работников были Н.А. Зурер, А.С. Котлевский, П.Т. Анисимов, А.В. Гвасалия, А.П. Голованов, В.А. Крашенинников и другие. К концу 1953 года в аппарате УКСа числилось 274 человека, в том числе 169 инженерно-технических работников и 71 служащий, вместо запланированных Министерством 510 человек, в их числе 200 инженерно-технических работников и 85 служащих. Требовательный к себе и подчиненным руководитель УКСа исходил из реальной занятости работников и категорически отказался от дополнительных штатных единиц ИТР и служащих, а вольнонаёмных рабочих заменил солдатами.

В ноябре 1950 года на площадку будущего комбината приехал первый его директор И.А. Щёкин (в годы Великой Отечественной войны – директор Подольского машиностроительного завода, выпускавшего реактивные снаряды «Катюша»). Вскоре приказом директора за №22 от 23 ноября 1950 года в штат Зауральской конторы были зачислены главный инженер Н.В. Алявдин и заместитель директора по общим вопросам Ф.И. Хмылко. К концу года в структуре Управления комбината появились первые отделы кадров, административно-хозяйственный, 1-й отдел, бухгалтерия, которые временно размещались в 16-квартирном доме, построенном на участке, по старой памяти именуемом «ржаное поле» (угол будущих улиц Горького и Полевой). А весной 1951 года строители сдали в эксплуатацию первое здание заводоуправления, выстроенное напротив дома, где располагался УКС.

К концу 1950 года Строительством №601 были созданы организационные, материальные и кадровые предпосылки для ведения работ на промышленных объектах Зауральской конторы. Её представителей в обиходной речи называли «заказчиками»*. В сентябре – октябре проводились работы по освоению и планировке участка под главный корпус диффузионного завода, 17 октября появился приказ об организации второго строительного района для выполнения работ на площадке №1, положивший начало комплектованию инженерно-технического аппарата района, которое продолжалось до весны 1951 года. На должность начальника нового района был переведен главный инженер пятого строительного района В.А. Кружилин, трудившийся в системе Главпромстроя с 1941 года и успевший приобрести богатый опыт сооружения сложных промышленных объектов и организации работ в суровых природно-климатических условиях. Учитывая важность поставленных перед районом задач, было принято решение преобразовать лагерный пункт №3, обеспечивавший район рабочей силой, в лагерное отделение №2, начальником которого с правами заместителя начальника строительного района был назначен майор А.Ф. Семенов.

Хотя приказом нового начальника Управления Строительства №601 подполковника Н.М. Иванова в середине декабря 1950 года предписывалось максимально и безотлагательно переключить все людские, материальные и транспортные ресурсы на основные объекты, в ряду которых диффузионный завод занимал первое место, работа района начиналась в тяжелых условиях. Площадка не была обеспечена водой и электроэнергией, отсутствовали автомобильная и железная дороги, район был не готов к ведению бетонных работ, тем более что средняя температура в зимние месяцы составляла -35°C . Из-за несвоевременного получения чертежей главного корпуса диффузионного завода Строительством №601 задержало оформление заявок на необходимые материалы и конструкции.

Срыв графиков получения и некомплектность технической документации, низкое качество проектов, вызывавшее необходимость вносить изменения, в том числе и в уже принятые к исполнению чертежи, мешали Строительству №601 правильно организовать работу, приводили к излишним переброскам людей и механизмов, а нередко и переделкам выполненных работ. Особенно много ошибок и неувязок было в проектах сублиматного завода, их оказалось столько, что документацию пришлось вернуть на исправление. Затянувшееся до конца 1951 года проектирование сублиматного завода стало основной причиной несвоевременного ввода его в эксплуатацию и в дальнейшем создало немало проблем с обеспечением сырьем производственного цикла диффузионного завода.

*Названия «Заказчик», «стройка» в те годы применялись в целях конспирации. Говорить о каком бы то ни было заводе, комбинате не разрешалось.

Большое значение для ритмичного функционирования промышленного комплекса и теплоснабжения заводского посёлка имела ТЭЦ. Строительство её началось в 1950 году и вначале было поручено шестому строительному району. Однако руководство района вскоре обнаружило свою несостоятельность в организации строительства ТЭЦ. В мае 1951 года район был расформирован, чтобы в середине июня, в соответствии с утвержденной Главпромстроем структурой линейных строительных подразделений, появиться вновь, но уже в качестве генерального подрядчика по строительству ТЭЦ. Для обеспечения его рабочей силой было образовано лагерное отделение №6. Начальником района был назначен возглавлявший с 1949 года седьмой строительный район подполковник Н.М. Лебедев, главным инженером – Ф.А. Столяров. Новое подразделение было укреплено переводом 33 инженерно-технических работников из седьмого строительного района.

В 1951 году начался пуск заводов по производству строительных материалов главной базы конторы промышленных предприятий на Кузьминке. В апреле выдал первую продукцию бетонный завод, в июле – завод по производству железобетонных изделий, в октябре, с опозданием на полгода, заработал растворный завод, а в конце года был введён в эксплуатацию пенобетонный завод. Острейшая необходимость заставляла начинать их функционирование до полного завершения строительно-монтажных работ, когда заводы были ещё не готовы к работе по запроектированной технологии. В результате, завод железобетонных изделий не мог выпускать длиномерные конструкции, а пенобетонный – ячеистый бетон. Не дал стройке в 1951 году запланированные 5 млн штук кирпича кирзавод №2, а в сентябре 1952 года из-за низкого качества строительных работ обрушился свод печи Гофмана, повлёкший полную остановку завода на ремонт, продолжавшийся в течение трёх месяцев. Хотя освоение производств строительных материалов не обеспечивало всех потребностей стройки, её зависимость от внешних поставок сокращалась, а промышленное изготовление раствора и бетона позволило ликвидировать локальные установки, что способствовало повышению качества работ и производительности труда на стройплощадках.

К концу 1951 года седьмой строительный район в основном выполнил возлагавшуюся на него программу создания производства строительных материалов и был переориентирован на строительство промышленных объектов комбината. Ему поручалось возведение сублиматного завода и ремонтно-механического завода. Отсутствие проектно-технической документации этих объектов ограничило действия района возможностью подготовки в 1951 году лишь строительной площадки химических объектов. Значительные его силы были направлены в помощь четвёртому строительному району и использовались на строительстве жилых каркасно-щитовых «финских» домиков, военного городка дивизии охраны, городка военных строителей для обслуживания производственной базы на Кузьминке.

Перевод в разряд основных потребовал кадрового укрепления седьмого строительного района, которое проводилось за счёт перемещения работников из других подразделений Строительства №601 и приёма молодых специалистов. В связи с началом строительных работ начальником седьмого района вновь был назначен Н.М. Лебедев, возглавлявший строительство ТЭЦ, а его преемник по руководству седьмым районом майор А.В. Соколов был переведен начальником шестого района. Вызванная неудовлетворенностью общим ходом работ тактика подобных передвижений шла в русле кадровой политики Главпромстроя и часто давала обратный результат. В данном случае перестановку равных по опыту, деловым и человеческим качествам руководителей, требовавшую от них времени и дополнительных усилий для вхождения в новые детали и обстоятельства, трудно признать оправданной.

Ощутимое кадровое вливание получило Строительство №601 в 1951 году от Строительства №247 из Кыштыма. Большая группа офицеров и инженерно-технических работников, участвовавших в создании сложных промышленных объектов плутониевого Комбината №817 и освоивших специфические условия организации работ на сверхсекретном строительстве, пополнила ряды руководителей, главным образом занятых на строительстве промышленных объектов. Среди приехавших были: подполковник В.И. Виноградский, назначенный заместителем начальника второго строительного района, начальники участков капитан Сериков, М.И. Федоров, П.Ф. Елохин, капитаны Авдеев и Сирота, главный инженер четвёртого строительного района Ф.А. Доцинский, инженер-майор В.К. Чистяков, назначенный после откомандирования А.В. Иорданского в апреле 1952 года, исполняющим обязанности главного инженера, а затем заместителя главного инженера Строительства №601. В Управление военно-строительных частей прибыл новый начальник УВСЧ полковник М.Ф. Фадеев и начальник штаба военно-строительного полка подполковник М.И. Поселенов.

Весной 1952 года начались работы на 2 (верхней) строительной площадке, где предстояло возвести реакторный завод в составе трёх уран-графитовых реакторов, кислородной станции, комплекса вспомогательных сооружений. И здесь некомплектность проектной документации заставила вести

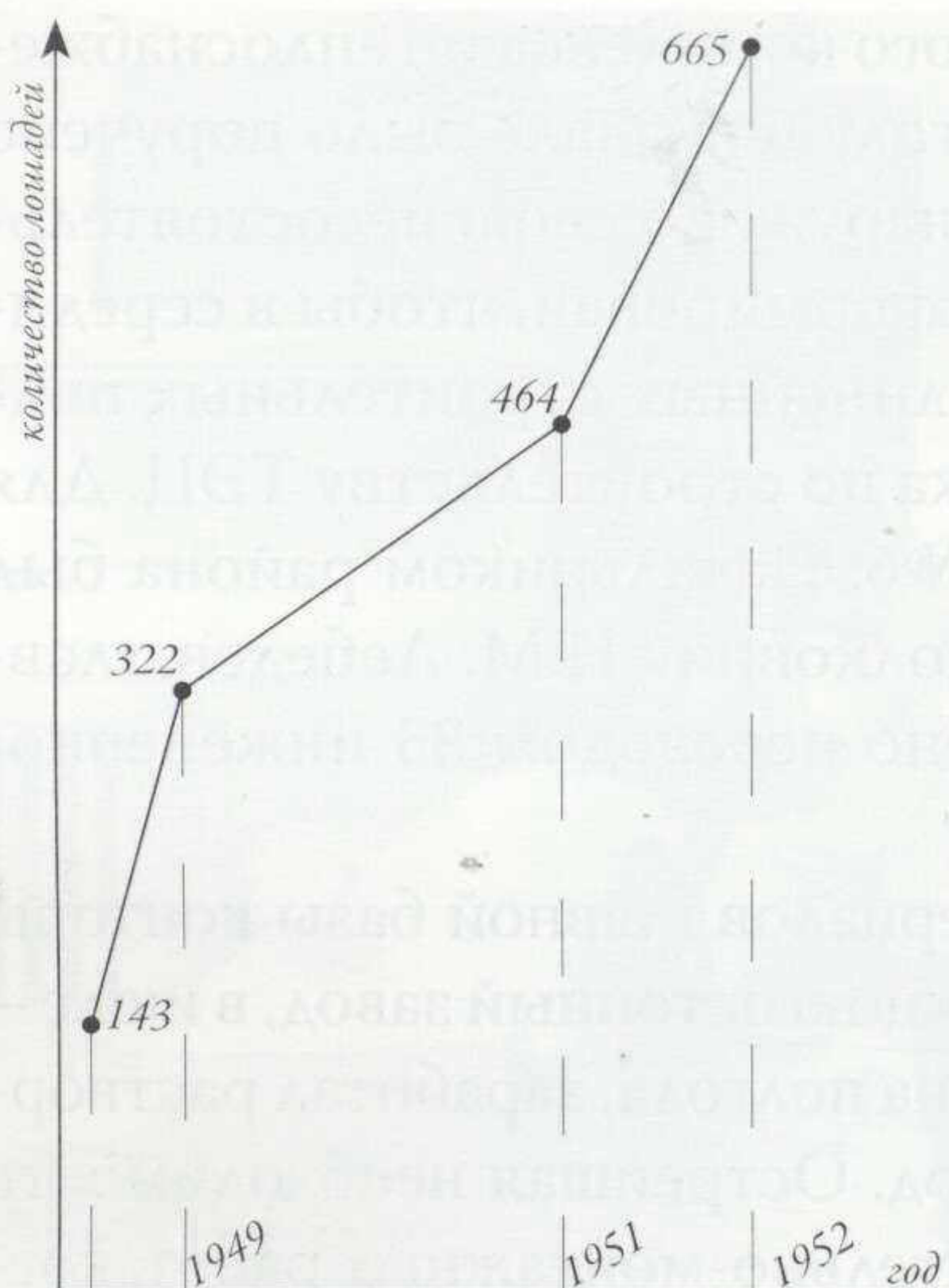

График 8. Численность лошадей гужетранспортной конторы

выборочное строительство зданий №150 (основного реакторного), 154, 157, 159, 163, 164, 185. Для выполнения этих работ был сформирован первый строительный район, который, после неудачных экспериментов с подбором руководящих кадров, в сентябре возглавил майор Н.Г. Яковлев, а главным инженером был назначен С.А. Милорадов.

Широким фронтом развернулись работы на строительных площадках объектов Комбината №816. В авангарде наступления на болота и бездорожье, по пути создания высочайших технологий, шла техника мощностью в одну лошадиную силу. В зной и стужу лошади везли свой груз — и когда машины на стройку ещё не поступили, и когда они простаивали из-за поломок и непогоды, и потому, что машин постоянно не хватало. Незаменимы они были и как легковой транспорт для передвижения на стройплощадках руководителей среднего звена. Численность лошадей постоянно увеличивалась (граф. 8). Строительство №601 имело 4 конных парка и сельхозучасток в Кривошеинском районе по выращиванию 207 голов молодняка.

Это большое и беспокойное хозяйство находилось в ведении гужетранспортной конторы, обеспечивавшей заготовку кормов, уход и организацию эксплуатации лошадей, которой командовал майор В.П. Купцов. Конюхами и возчиками работали солдаты. Важное место в комплексе административных мер, направленных на улучшение ухода, содержания и производственного использования лошадей занимали месячники «Смотр коня». Они давали как индивидуальную оценку состояния лошадей по упитанности, качеству ковки, чистоте, так и общего состояния парка с учётом ветеринарного обслуживания, содержания обоза и снаряжения, производственных показателей. По результатам смотров присуждались премии. Гужетранспортная контора работала устойчиво и даже в чрезвычайно трудном для Строительства №601 1953 году, когда общий убыток от хозяйственной деятельности превысил 72,5 млн руб., закончила год с прибылью в 254 тыс. руб.

Постоянно увеличивался автомобильный парк. Вначале он, вместе с реконструированным на базе принятых от ИТА «А» мастерских авторемонтным заводом, был подчинен Автотранспортной конторе, которая в конце 1950 года была преобразована в Главную автотранспортную контору. Рост численности автомобилей и солдат-водителей требовал совершенствования организационной структуры их использования. Сформированная в середине 1949 года авторота через год была преобразована в автобатальон, объединивший всех имевших водительские права солдат и их командиров. Командир автобатальона одновременно являлся заместителем начальника

Главной автотранспортной конторы, командирские и инженерно-технические должности совмещали командиры рот и взводов, что помимо дисциплинирующей четкости армейского и производственного руководства и подчинения, давало армейским командирам материальные стимулы к организации более производительной работы.

За 1951 год автопарк пополнился на 385 машин и к концу года составлял 822 единицы, из них 250 самосвалов. Лишь за первый месяц 1952 года на строительство поступило ещё 68 машин, в который раз породив дефицит водителей, насчитывавших всего 840 человек, в том числе 673 солдат, 127 вольнонаёмных и 40 заключённых. А осенью, в связи с демобилизацией и пополнением нового призыва, пришлось готовить много новых шоферов. 415 человек получили на строительстве эту профессию в 1953 году. В те годы в автобат был зачислен сержант Н.Д. Дмитриев, связавший с машиной всю свою дальнейшую трудовую жизнь. Он был бесменным шофёром начальников стройки А.К. Грешнова и П.Г. Пронягина и с этой должности ушёл на пенсию.

Недостаток и неопытность водительского состава, затянувшееся освоение в 1952 году мощностей нового авторемонтного завода, рассчитанного на 150 ремонтов в год, но

Рис. 83. Г.В. Сидоров у обслуживаемого им автотранспорта. 1951 год. Предоставлена Г.В. Сидоровым.

не выпустившего за первые три месяца после начала работы ни одной машины, отрицательно сказалось на общих показателях. Автопарк работал в одну смену. В 1952 году коэффициент его производственного использования составил 0,57% при плане 0,64%, а в 1953 году снизился до 0,51%. Простои машин только из-за отсутствия водителей составили 13770 машино/дней, расход горючего на 38% превысил расчётную норму, и общий убыток по грузовым перевозкам за 1953 год равнялся почти 2,5 млн руб.

Рос парк строительных механизмов. Если к концу 1950 года насчитывалась 101 единица строительной техники, то через год – уже 141, в том числе 64 трактора, 31 экскаватор, 26 бульдозеров, а к концу 1953 года было 285 машин. Количественное накопление сопровождалось реорганизацией структуры управления и эксплуатации. В 1950 году строительная техника, принадлежавшая пункту проката при ремонтно-механическом заводе, была выведена из подчинения РМЗ. Управление преобразовано в Контору механизации, а уже перебазированный из Чекиста на Кузьминки ремонтно-механический завод в 1952 году стал подчиненным подразделением Конторы механизации.

Однако общий уровень механизации трудоемких работ оставался низким и из года в год не дотягивал до плановых заданий. В 1950 году средний показатель механизации на Строительстве №601 составил 66,4% и выглядел довольно внушительно за счёт полной механизации приготовления раствора и бетона, тогда как на земляных работах он был 56,5%, а на погрузо-разгрузочных – только 48% при плановых показателях соответственно 78 и 80%. В 1952 году при громадных (более 2 млн куб. м) перемещениях земли только 73% этого количества было вынито экскаваторами, а в 1953 году уровень механизации работ в строительстве составил 83% от общего объёма выполненных работ вместо заданных 90%.

Руководители строительных районов и линейные инженерно-технические работники были не готовы к высокопроизводительному использованию строительной техники. Наличие достаточного количества неквалифицированной рабочей силы позволяло организовывать труд вручную. Применению ручного труда на самых тяжелых и монотонных работах способствовало неравномерное, без учёта планов строительства, поступление заключённых и необходимость занять их работой на период вынужденного осенне-зимнего затишья для предупреждения «морального разложения». Отсутствие проектов организации работ приводило к большим простоям техники в ожидании фронта работ, много времени уходило на перемещение машин, были простои из-за нехватки механизаторов и запчастей, неквалифицированного ремонта и эксплуатации. По не зависевшим от Строительства №601 причинам, а также вследствие недостатков в организации использования строительной техники общий, убыток работы полка строймеханизмов в 1953 году превысил 2 млн руб.

Развивалась железнодорожная сеть. К началу 1952 года основные работы по строительству путей нормальной колеи завершились, и их общая протяженность составляла 60 км. Примыкая к путям ст. Томск-II, главная дорога длиной в 14 км вела к основной распорядительной станции Предзаводская, где шел приём и сдача вагонов МПС, погрузка доставляемых по узкоколейкам от карьеров, ДОКа-1, Иглаково песка, гравия, лесоматериалов, осуществлялась подача грузов в зону строительства диффузионного завода, и далее на станцию Заводская, для бетонного завода, на строительные площадки ТЭЦ и сублиматного завода. Тяжелыми, как и у всех первостроителей, были трудовые будни железнодорожников. Это потом, в благополучные годы, они обзаведутся мощным комфортабельным подвижным составом и сложной техникой для путевых работ – снегоочистителями, пневмообдувами и даже специальной цистерной для химической борьбы с растительностью на путях, а в начале 1950-х по дороге бегали порядком изношенные и нуждавшиеся в частых заправках водой и углем паровозы, да двухосные вагоны на винтовом сцеплении без автотормозов. В ряду обеспечивавших нормальное функционирование дороги мер далеко не последнее место занимала борьба со снежными заносами, осуществлявшаяся самым примитивным способом. Об этом свидетельствует приказ директора комбината И.А. Щёкина от 18 ноября 1952 года, который предписывал всем начальникам подразделений обеспечить зимой 1952/53 года очистку путей в пределах своих зон и разгрузочных площадок, для чего срочно приобрести 300 лопат разных видов, 500 метел и 800 черенков к ним.

Лежнёвки как внутрипостроечные дороги постепенно заменялись узкоколейками, которых в 1952 году стало 24 км. Их особую роль в жизни стройки отмечал в своих воспоминаниях Ф.А. Дощинский, работавший в ту пору начальником участка, занятого жилищным строительством четвёртого района. Две такие дороги шли от ДОКа. Одна из них закольцовывалась в районе будущей площади Ленина, а другая, соприкоснувшись с дорогой нормальной колеи на маленькой, оборудованной для отгрузки кирпича станции, уходила в Иглаково, где работала лесобиржа и две пилорамы. «Одним словом, – заключал Ф.А. Дощинский, – все строительные площадки нашего города были связаны целой сетью

узкоколейных железных дорог, по которым в любое время года, независимо от погодных условий, перевозили строительные материалы, людей и даже подавали тепло». Действительно, паром отслуживших свой век на транспорте паровозов отапливались строившиеся объекты. Четыре таких паровоза в зиму 1951/52 года впервые вдохнули тепло в отопительную систему корпуса №1 диффузионного завода, использовались они и для подогрева воды в банях лагерных зон и военных городков.

Выходили на проектную мощность заводы Главной конторы подсобных предприятий. Только за 1952 год удалось втрое увеличить производство бетона, раствора и железобетона. Однако, такие темпы роста уже не удовлетворяли потребностей строительства, и суммарный план производства строительных материалов, начиная с 1951 года, не выполнялся, четко обозначив тенденцию все большего отрыва фактических показателей от заданных. В 1951 году он был выполнен на 92,9%, в 1952 году – на 89,8%, в 1953 году – на 66,1%. Тяжелая ситуация складывалась с производством кирпича. В 1951 году план был выполнен на 70,7%, а в 1952 году из-за аварии на кирзаводе №2 – только на 55,2%. Зависимость от лимитированных поставок кирпича с других подведомственных Главпромстрою заводов сдерживала, особенно в летние месяцы, ход строительных работ.

Потребность стройки в пиломатериалах и столярных изделиях удовлетворялась за счёт переработки на месте поставляемого томскими леспромхозами леса. Предполагалось, что уже в 1953 году новое оборудование ДОКа-II реализует 60% своей годовой мощности, но затянувшийся до июля его монтаж и последовавшее за этим медленное, сопровождавшееся многочисленными нарушениями технологического процесса и организации труда освоение, не позволило до декабря 1953 года начать его эксплуатацию. Вследствие этого общий годовой план был выполнен на 63,5%. На отдельном участке Северо-Алтайской лесной дачи «Урбей» Строительством №601 была организована собственная заготовка древесины, что потребовало оборудования лагерного пункта на 1000 человек, строительства 34 км узкоколейной дороги, отвлечения ресурсов и техники. Из-за низкого качества лесосек и сложности вывоза древесины эксплуатация участка оказалась нерентабельной. Значительный ущерб лесозаготовительному хозяйству принесла деятельность начальника Главной лесной конторы Х.З. Боса, за это он был снят с должности и уволен из системы Главпромстрою.

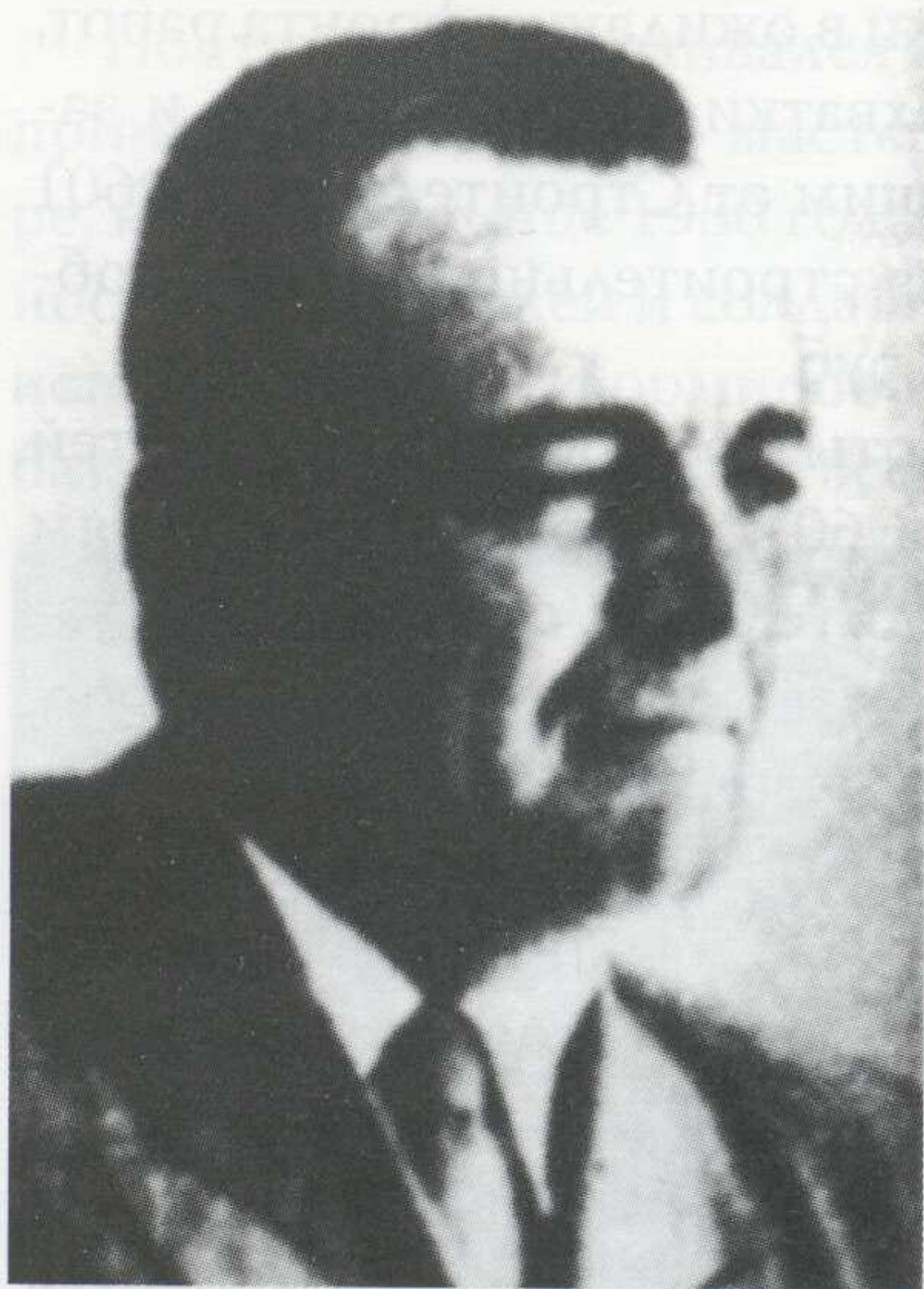

Рис. 84. Генерал-лейтенант И.С. Любый. Из фондов Музея г. Северска.

Многочисленные трудности стройки прямо или косвенно были связаны с проблемой кадров. В 1952 году произошли крупные кадровые перестановки, начало которым положила смена начальника Управления Строительства №601. Из-за значительного невыполнения плана (план 1951 года был выполнен на 87,5%) строительно-монтажных работ по комбинату был откомандирован полковник Н.М. Иванов*, а вместо него, с 25 января 1952 года, стройку возглавил генерал-лейтенант МГБ И.С. Любый. По разным причинам Строительством №601 покинули главный инженер и его заместители, из 14 отделов не сменились руководители только в пяти, дважды за год менялся главный бухгалтер. Из начавших стройку руководителей на прежней должности остался только заместитель начальника Строительства №601 по общим вопросам старший лейтенант И.А. Пилюгин. Практически единовременная замена кадров в аппарате Управления не позволяла сохранить преемственность в руководстве Строительством №601 и в условиях наращивания объёмов работ негативно сказывалась на общих результатах деятельности.

Несмотря на постоянный приток кадров, в первые годы хронической болезнью Строительства №601 оставался дефицит инженерно-технических работников и служащих. Безусловно, штаты, предусматривавшие 1 инженерно-технического работника на 4–5 рабочих, были явно завышены. Хотя недокомплект специалистов с высшим и средним образованием сохранялся в течение всего периода, но в разные годы острота проблемы была неодинаковой. Вместе с тем проблема кадров инженерно-технических работников постепенно решалась, и в 1952 году был достигнут рывок, позволивший почти на порядок сократить разрыв между штатным расписанием и реальным наполнением. Правда, в 1953 году ситуация вновь изменилась, но вопрос сводился главным образом к структурной диспропорции.

подавляющее большинство направляемых на Строительством №601 гражданских инженеров и техников были молодыми специалистами. В 1949 году на стройку, с которой связали жизнь,

*Н.М. Иванов впоследствии руководил «Сибкадемстроем», стал генералом, Героем Социалистического Труда. В знак признания заслуг одна из улиц новосибирского Академгородка названа его именем.

прибыли И.А. Пронин, И.В. Пантелеев, М.Ф. Курапов, А.А. Бузимов, В.И. Школьников, Ф.А. Столяров, Л.П. Агнешников, Герой Советского Союза Ф.Л. Трофимов, В.П. Тимченко, Г.А. Богданов, С.Н. Аникин, А.А. Завьялов и многие другие. Им пришлось осваивать навыки общения с подчиненными, на практике постигать приёмы организации труда, контроля за ходом и результатами работ. Здесь открывались перспективы производственного совершенствования и должностного роста. Вспоминая, как набирались опыта, ветераны «Химстроя» отмечают, что немало «шишек» набили, прежде чем стали толковыми руководителями. Многие не выдерживали и уезжали, давая место широкому притоку молодых специалистов, которых стройка вновь просеивала сквозь сито своих трудностей и проблем.

Недостаток в инженерно-технических работниках отчасти восполнялся привлечением на эти должности так называемых «практиков» из числа опытных рабочих и организаторов производства, не имевших системной технической подготовки и специального образования. Вопреки запретам МВД дефицит ИТР заставлял довольно широко использовать специалистов из числа заключённых. В начале 1952 года заключённые занимали 63 должности, а в конце года – уже 109. Среди них В.А. Максимов, отправленный на Строительство №601 после досрочного освобождения за ударную работу на строительстве Комбината №817 и прошедший в автохозяйстве Управления долгий трудовой путь от старшего механика до заместителя начальника УСМ по эксплуатации. В тот же период прорабом шестого района был назначен П.С. Сухотеплый, после освобождения оставшийся работать на стройке и занимавший руководящие должности в СМУ-7 и СМУ-8. С одним из первых этапов в 1949 году прибыл на стройку Б.Т. Бектурганов, где вскоре был назначен бригадиром на асфальто-растворном заводе. В 1953 году после амнистии он остался на стройке, работал мастером, а потом начальником асфальтного цеха завода и неоднократно поощрялся за добросовестный труд. Хотя было немало иных примеров, ставших основанием для весьма негативной оценки практики использования заключённых на инженерно-технических должностях, которая приведена в «Объяснительной записке» к годовому бухгалтерскому отчёту за 1952 год и рассматривает эту практику как причину низкой производственной дисциплины, брака и всевозможных приписок.

Несмотря на заметный рост парка автомашин и строительной техники, механовооруженность на одного рабочего (в руб.) с 1949 по 1954 год увеличилась мало – с 197 до 287, а энерговооруженность за это же время выросла с 1,7 до 3,1 кВт/чел. Естественно, что наращивание объёмов строительных работ шло, главным образом, за счёт увеличения количества работающих (граф. 9).

Отражая общую тенденцию увеличения численности занятых на строительстве рабочих и опережающие темпы роста доли военных, строителей, эти данные не могут представить всей полноты картины чрезвычайно динамичных процессов формирования рабочей силы. Даже в неподверженном реорганизациям 1952 году на стройку прибыло вновь 27 283 человека, а выбыло 13 900. Столь крупные поступления и перемещения, как правило, неподготовленных профессионально и не адаптированных к климатическим условиям людей, тяжелым бременем ложились, прежде всего, на лагерную службу и отдел подготовки кадров. Порочная система изъятия заключённых из обслуживающих Строительство №601 лагерей в первом квартале года и усиленное заполнение их в третьем квартале, когда новые этапы после карантина и обучения уже не могли существенно повлиять на судьбу годового плана, усугубляла отрицательное влияние мобильности рабочей силы на производственные показатели.

Явно отставали темпы роста вольнонаёмных рабочих кадров. Их формирование шло за счёт приёма населения ближайших районов области, уволенных в запас военных строителей и освобождённых заключённых. Так, в 1951 году остались работать по вольному найму 82 человека из бывших заключённых, заметным был приток рабочих из этой категории и в последующие годы. Серьёзным барьером на пути создания постоянных кадров являлись режимные требования к поступающим. Недостаточно привлекала оплата и труда, составившая в 1950 году по Управлению

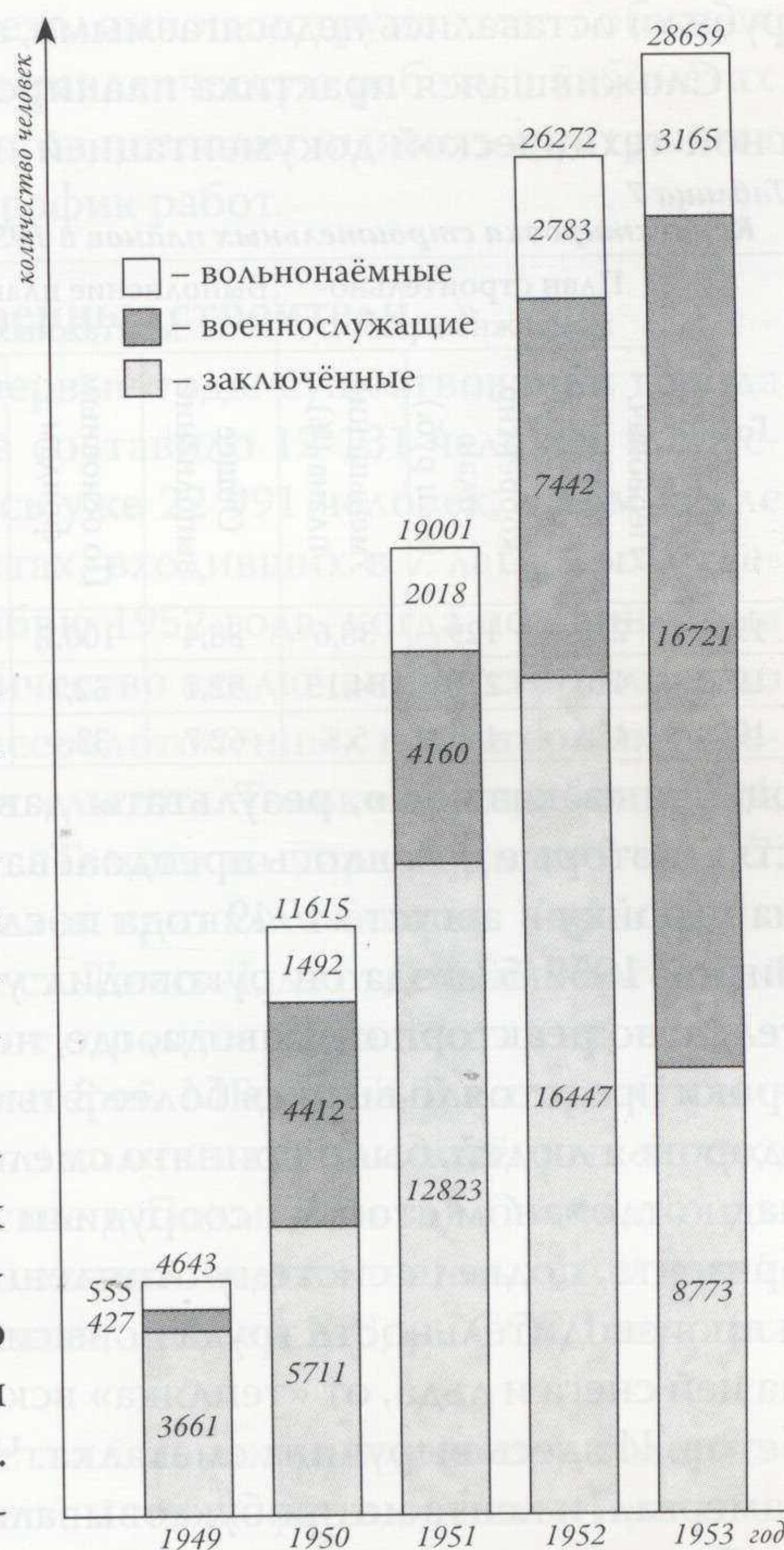

График 9. Численность и структура рабочих кадров на Строительстве №601

Строительства №601 в среднем 574 руб. в месяц. Районный коэффициент за удалённость, прибавлявший 20% к основному окладу всем связанным со стройкой работникам, и 20% надбавка за сложность, распространявшаяся только на занятых в строительномонтажных и подсобно-вспомогательных подразделениях непосредственно в режимной зоне, не вполне компенсировали неудобства от переваливавших иногда за -50°C зимних морозов, летнего гнуса, всепогодной жилищной и социально-бытовой неустроенности. Текучесть кадров в строительстве была высока.

Продолжалось развитие структур управления. Увеличение в 1952 году объёмов и сложности строительных работ на промышленных объектах комбината вызвало необходимость координации организационных усилий для их выполнения. С этой целью была введена должность первого заместителя начальника Строительства №601, на которую был назначен инженер-полковник Д.С. Захаров.

Для выполнения на площадке Управления Строительства №601 определённых работ привлекались субподрядные организации, базировавшиеся в Новосибирске, Свердловске, Москве, Ленинграде. Уже в 1950 году, наряду с принадлежавшей Управлению монтажной конторой №5 и подведомственными МВД монтажными конторами №16 и №19, здесь работали специалисты трестов «Уралстальконструкция» и «Сибэлектромонтаж», принадлежавших министерствам Строительства предприятий тяжёлой индустрии и Электростанций. С расширением строительномонтажных работ к ним подключились монтажные организации министерств Авиационной промышленности, Приборостроения и средств связи, Речного флота. Руководители крупных монтажных организаций действовали на правах начальников строительных районов, а энергия, смелость поступков, организаторские способности А.Л. Моложавого, Ю.Н. Подшивалова, С.Н. Пономарёва оставили о себе на стройке долгую память.

Если учесть сложность и специфику труда субподрядных организаций, то станет ясно, что без единого, профессионально координирующего их работу с генподрядными строительными подразделениями, руководства не обойтись. В этой связи в 1952 году была введена должность заместителя начальника строительства по монтажу, на которую был назначен инженер-полковник Д.Ц. Милонов.

Окрепшая материально-техническая база и возросшая численность рабочих и ИТР, завершившееся структурное и кадровое формирование системы управления и организационных связей Строительства №601 служили предпосылкой к выполнению планов и наращиванию масштабов работ. Однако, плановые рубежи оставались недостижимыми, а темпы прироста строительных объёмов постепенно снижались.

Сложившаяся практика планирования строительномонтажных работ без обеспечения комплексной технической документацией и систематическое невыполнение плановых заданий приводило к

Таблица 7

Корректировка строительных планов в 1951–1953 годах

Годы	План строительномонтажных работ			Выполнение плана строительномонтажных работ в %			
	Первонач. план (млн руб.)	Скорректир. план (млн руб.)	Уменьшение плана (%)	Общее выполнение	По основным фондам	По жилью	По соцкультбыту
1951	210	129	38,6	88,4	100,7	102	47,3
1952	410	270	34,15	92,1	52,1	57	87,9
1953	483	455	5,8	62,7	33,4	90	20,7

тому, что ПГУ, а затем МСМ вынуждены были ежегодно заниматься корректировкой планов по капитальному строительству в сторону их сокращения с учётом фактического выполнения и возможностей Управления Строительства №601. Об изменении объёмов капиталовложений в промышленное строительство и о выполнении плановых заданий по промышленному и гражданскому строительству для комбината позволяют судить данные таблицы 7.

Но и эти, «крайне неудовлетворительные» по оценке «заказчика», результаты давались строителям ценой огромного напряжения сил. О трудностях, которые пришлось преодолевать, образно рассказал в воспоминаниях Т.Т. Антипин, прибывший на стройку в августе 1949 года после окончания Горьковского инженерно-строительного института. Зимой 1952/53 года он руководил участком, который занимался подготовкой котлована под строительство реакторного завода, где, несмотря на жестокие морозы и недостаток механизмов, в сжатые сроки предстояло вынуть более 3 тыс. куб. м грунта. Чтобы справиться с такой задачей без ущерба для здоровья людей, было принято смелое и технически непростое инженерное решение. На возведённых над котлованом стойках соорудили крышу, и под это огромное полотнище, на которое ушло 15 тонн брезента, подвели систему отопления, используя котлы старых паровозов. Люди работали в тепле, и производительность труда повысилась. Но, из-за угрозы обвала крыши под тяжестью скопившегося на ней снега и льда, от «тепняка» вскоре пришлось отказаться. Тогда возникла проблема, как подавать бетон. И здесь выручила смекалка. Через пазуху котлована протянули транспортер, а чтобы бетон не замерзал, и лента не пробуксовывала, под ней раскладывали жаровни с горящим углем.

Вспоминая о людях, с которыми тогда довелось работать, Т.Т. Антипин отмечал их выдержку, стойкость, твёрдость духа. На самом трудном участке того памятного котлована, на глубине 6–7 м

работал экскаваторщик А. Катилин. Шкворни машины не выдерживали нагрузки и лопались на морозе, а экскаваторщик, чтобы надолго не останавливать работу, вызывал бригаду ремонтников прямо в котлован и вместе с ними оперативно заменял сломанную деталь. По две смены работал прораб И.А. Спивак. В свою смену, как и положено прорабу, он организовывал производство, а во вторую трудился вместе с рабочими, не уходил с участка, пока не выполнял задания, спал у себя в подсобке.

А.Н. Катилину в 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Этим же Указом награждались орденами Ленина и золотыми медалями «Серп и Молот» начальник строительства Александр Капитонович Грешнов, бригадир плотников В.А. Чикарев.

Объективные трудности и недостатки в организационно-техническом руководстве ходом работ держали стройку в состоянии перманентного прорыва. Выход из него достигался лишь с использованием чрезвычайных мер, требовавших от непосредственных исполнителей собранности и большой самоотдачи. С приближением срока пуска первых производств комбината напряжение возрастало. В наступившем 1953 году стройка оказалась в зоне пристального и перекрестного внимания со стороны Главпромстроя и ПГУ. Для укрепления руководства строительством на площадку прибыл заместитель начальника Главпромстроя полковник С.И. Погарский. Все приказы и распоряжения, касавшиеся организации работ на пусковых объектах в первом квартале 1953 года, выходили за двумя подписями: заместителя начальника Главпромстроя и начальника Управления Строительства №601.

Однако переломить ситуацию не удавалось. Выполнение ряда работ сдерживали сильные морозы. Большое отставание наметилось на строительстве каналов промплощадки, где по графику предполагалось ежедневно вынимать до 2,5 тыс. куб. м грунта, причём половина этого объёма была рассчитана на ручной труд. Для оказания стройке практической помощи и обеспечения контроля за выполнением приказов МВД в марте на площадку была направлена специальная бригада Главпромстроя. Одновременно, в целях организации наиболее производительного использования рабочей силы, механизмов и транспорта, в подразделения, занятые на строительстве пусковых объектов, с 5 марта 1953 года направлялись бригады работников строительства, руководителями которых назначались заместители начальника Управления, начальники отделов, производственных и лагерных подразделений. Перед ними ставилась задача добиться на важнейших участках полноценной двухсменной работы, обеспечить строительный цикл необходимыми материалами, деталями и инструментом, добиться бесперебойной работы техники. Предполагалось, что, совмещая управленческую работу в кабинетах с работой на стройплощадках, мощный десант опытных специалистов позволит выявить и устранить «узкие» места стройки и войти в утверждённый Министерством график работ.

«Этот город строили заключённые и их братья, военные строители...»

Самой многочисленной категорией строительных рабочих в первые годы существования города были заключённые. Общее наполнение лагеря на конец 1950 года составило 12 131 человек, а спустя год, к январю 1952 года, на Строительстве №601 насчитывалось уже 22 991 человек, в том числе 17 491 мужчин и 5500 женщин, размещённых в 17 лагерных пунктах, входивших в 7 лагерных отделений. Своего максимума ИТЛ Строительства №601 достиг к ноябрю 1952 года, когда по данным на 20 ноября в нём содержалось 35 934 человек, а спустя неделю количество заключённых снизилось до 35 242 человек, в их числе было 27 526 мужчин и 7 716 женщин, рассредоточенных в 9 лагерных отделениях, 8 из которых располагались непосредственно в зоне строительства. Только лаготделение №4, где содержалось более 4 тыс. заключённых, использовавшихся в г. Томске на кирзаводах №2 и №17, строительстве Политехнического института, ГРЭС-2 и на работах в принадлежавшем Управлению Строительства №601 совхозе «Заварзино», располагалось в районе ст. Томск-1, да отдельный лагерный пункт №6 (Прикульский ОЛП) обслуживал находившиеся в 70 км от строительства лесозаготовки.

В списке, включавшем 59 крупных исправительно-трудовых лагерей МВД СССР, лагерь Строительства №601 к осени 1952 года занимал третье место, уступая по количеству заключённых только Норильсклагу и ИТЛ Строительства №565 (Строительство в Москве и Подмосковье). Очевидно поэтому он являлся объектом регулярных и обстоятельных обследований ведомственных комиссий, справки и отчеты которых отложились в фонде Главного Управления лагерей МВД СССР Государственного архива Российской Федерации.

Согласно предписанию МВД, в обслуживавших спецстроительства лагерях не подлежали содержанию заключённые, осуждённые за бандитизм, разбой, грабёж, побег, а так же рецидивисты. При комплектовании лагеря Управления Строительства №601 был учтён опыт строительства первых атомных объектов на Урале, где широко использовались осуждённые по печально известной 58-ой статье.

Рис. 85. Личный состав Военно-стрелкового батальона, Парусинка. 1949 год. Предоставлена Д.П. Самойличенко.

После окончания срока судимости, их, формально уже восстановленных в гражданских правах, из-за невольной причастности к государственной тайне, на основании принятого в 1948 году Советом Министров СССР Постановления продолжали удерживать на секретных объектах на положении вольнонаёмных рабочих без права выезда за пределы строительства, а индивидуальные и коллективные жалобы на имя Сталина, Хрущева, Маленкова оседали в МВД, складываясь в тома архивных дел. Десятки бывших политических заключённых в качестве «вольнонаёмных» рабочих были вывезены на томскую стройку из Челябинска-40.

Подопечными ИТЛ Управления Строительства №601 должны были стать и стали, главным образом, осуждённые на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан», принятых в 1947 году. Однако, из-за несоблюдения должного отбора при формировании направляемых на Строительство №601 этапов, в них попадало много заключённых, не подлежавших по статейным признакам содержанию в ИТЛ Строительства №601, от которых администрация лагеря время от времени избавлялась, но получала с вновь поступавшими этапами старые проблемы. Периодические обострения хронического дефицита работников лагерной службы затрудняли их решение. Соответственно наполнению ИТЛ, где на 1 января 1953 года содержались 33 983 заключённых, в штате лагерного сектора полагалось иметь 1655 служащих, а было всего 959, служба военизированной охраны вместо 1014 человек насчитывала 762.

Серьёзные проблемы в деятельности отдела режима и оперативной работы лагеря были связаны с отсутствием пересыльного пункта (отстойника) для изучения, обработки и фильтрации новых этапов заключённых. Поступавшие без учёта реальных возможностей их размещения большие потоки людей, сразу направлялись в жилые зоны лагеря, где смешивались с остальными заключёнными, что создавало благоприятную среду для всевозможных нарушений лагерного режима и чрезвычайно затрудняло выявление «уголовно-бандитствующих элементов». Завоз запрещённых МВД СССР для содержания в ИТЛ «ГХ» «отрицательных контингентов», их рассредоточение по всем лагерным подразделениям способствовало активизации бандитских проявлений, травле тех, кто стремился честно и добросовестно работать, негативно сказывалось на трудовой дисциплине в лагере. Хотя доля этой категории в общей массе заключённых не превышала 2–3%, разлагающий эффект её присутствия был несоизмеримо выше. Этому способствовали чрезмерное наполнение жилых зон большинства лагерных отделений, где при норме пребывания до 3 тыс. человек содержалось до 6 тыс. человек, отсутствие штрафных изоляторов в ряде лагпунктов, 8-м и 9-м лаготделениях. Центральный штрафной изолятор был открыт только в апреле 1952 года. Переполнение жилых зон лагеря препятствовало поддержанию в них должного внутреннего распорядка, выполнению требований по режиму и охране, в частности, по проведению проверок, обысков, разводов, наблюдению за заключёнными.

Организацией режимно-оперативной работы в ИТЛ «ГХ-5» занимался в 1949–1952 годах подполковник Николай Акимович Гриднев, с 1923 года работавший в милиции, а с 1931 года – в ОГПУ. У этого

человека был опыт борьбы с бандформированиями в Чечено-Ингушетии, в годы Великой Отечественной войны он осуществлял формирование партизанских отрядов и групп особого назначения из заключённых.

Немалый практический опыт работы ему пригодился на новой стройке, однако, оперативную обстановку на ней трудно было назвать благополучной.

Проверкой личных дел заключённых в 1951 году в ИТЛ Строительства №601 было выявлено более 750 человек «уголовно-бандитствующего рецидива» и, несмотря на передачу по разнарядкам МВД СССР в июне, июле и сентябре этих заключённых в другие лагеря, к концу года общее количество злостных нарушителей порядка почти не сократилось. Ситуация повторилась и в 1952 году, когда после отправки этапа из 1450 человек в феврале, а затем, в марте, специального этапа, включившего только «отрицательный элемент» численностью 350 человек, к середине года в ИТЛ Строительства №601 насчитывалось 398 рецидивистов и 100 «дезорганизаторов производства и злостных нарушителей лагерного режима».

Поэтому отказ от работы, пьянство, хулиганские выходки, карточная игра, кражи, побег и даже убийства заключённых в ИТЛ были не столь уж исключительным явлением. Только за первые 4 месяца 1951 года на Строительстве №601 произошло 6 убийств заключённых, более 20 случаев нанесения тяжких телесных повреждений, 2 изнасилования вольнонаёмных женщин, 3 побега, были попытки нападения на надзирателей. Почти 45% всех нарушений приходилось на лаготделение №5. Ранее имевший серьёзные служебные нарушения начальник лаготделения №5 лейтенант А.П. Паханов по итогам проверки был снят с работы. Но и в третьем квартале 1951 года в лагере произошло 2 убийства, 10 случаев побега, 74 человека были осуждены за грубые нарушения, в том числе 14 человек – за бандитизм. Всего в течение квартала было совершено 4735 преступлений.

Обстановка обострялась по мере наполнения лагеря. За 1952 год, в ходе борьбы с нарушителями лагерного режима, за кражи, лагерный бандитизм и другие серьёзные преступления было привлечено к ответственности 1746 человек, в том числе: осуждено 227 человек, оформлено на тюремный режим 65 человек, переведено в лагеря строгого режима 114 человек и 1430 заключённых отбывали наказание в центральном штрафном лагерном изоляторе.

Однако для поддержания в лагере дисциплины и порядка одних только репрессивных мер было недостаточно. Требовалась нацеленная на своевременное предупреждение преступлений, слаженная работа всех служб лагеря и, прежде всего, отделов режимно-оперативной и культурно-массовой работы.

Успех деятельности режимно-оперативной службы во многом основывался на создании и поддержании в функциональном состоянии разветвленной агентурно-осведомительной сети в среде заключённых. Формально такая сеть существовала и была правильно расставлена. Фактически, как выявили проверки, со значительной частью секретных осведомителей регулярная связь не поддерживалась, либо отсутствовала вовсе. Много «мёртвых душ», в том числе и выбывших из ИТЛ Строительства №601, лишь значилось в списках резидентов, агентов и осведомителей. В результате бессистемной, по случайным признакам, вербовки и неумелого использования агентуры значительная её часть самоустранялась от работы. Так, например, в середине 1951 года по женскому лагпункту лаготделения №1 из 183 человек, вовлеченных в агентурно-осведомительную сеть, регулярно представляли донесения только 58; в лаготделении «А», где содержалось более 4 тыс. мужчин, числилось 320 секретных осведомителей, но 67 из них находились вне связи. А из 92 состоявших на учёте первого отдела резидентов, которые должны были обеспечивать связь с подавляющей массой секретных осведомителей, более 20 человек не использовалось.

Недостатки в работе с заключёнными повлекли кадровые перестановки. В 1951 году новым заместителем начальника ИТЛ и Строительства №601 по лагерю вместо подполковника Г.М. Бородова был назначен подполковник А.П. Ключев. В 1952 году был отозван начальник отдела режима и оперативной работы подполковник Н.А. Гриднев и на эту должность

Рис. 86. Сотрудники Оперотдела «ИТЛ ГХ-5». 1949 год.
Предоставлена М.М. Мироновым.

Рис. 87. Зимняя и летняя форма работников ИТЛ «ГХ-5». 1949 год. Предоставлены Т.М. Цуколиным.

назначен подполковник Смирнов, а в середине года за просчёты в борьбе с нарушителями лагерного режима был снят с работы заместитель начальника отдела капитан Красноперов. Часто менялись начальники лагерных отделений и пунктов. Только майор М.И. Пуговкин, начавший службу в посёлке Чекист ещё до войны, и с образованием при Строительстве №601 ИТЛ назначенный начальником лаготделения «А», оставался на своём посту.

С расширением объёмов строительно-монтажных работ на объектах комбината и, особенно, с началом монтажа оборудования диффузионного завода назрела необходимость ужесточения режимных требований к использовавшимся на них контингентам заключённых. Приказом начальника ИТЛ и Строительства №601 генерала И.С. Любого от 28 февраля 1953 года предписывалось усилить контроль за допуском заключённых к работе на особо секретных объектах. Ставилась задача в декадный срок провести пересмотр оперативных данных с целью выявления и отстранения от работы не внушавших политического доверия заключённых, а впредь до окончания проверки вывод всех заключённых на эти объекты прекратить.

Вместе с тем, по признаку политической неблагонадёжности, последовательно были сформированы для удаления с территории Строительства №601 два этапа из осуждённых за измену Родине, с тяжёлыми статьями, депортированных. Первым этапом подлежало вывезти 352 заключённых из состава выходцев приграничных районов и 150 спецпоселенцев. Но, по спискам спецотдела, к концу года на стройке вновь насчитывалось 480 отнесённых к этой категории заключённых, которые в феврале 1953 года были отправлены в распоряжение Саратовстроя.

В непосредственной зависимости от степени наполнения лагерных зон находились жилищные и бытовые условия содержания заключённых. Опираясь на базу ИТЛ «А», Управление Строительства №601 практически сразу получило возможность создания типовых капитальных лагерей с каркасно-засыпными жилыми бараками, необходимым набором охранных сооружений, подсобными, бытовыми, лечебными сооружениями, обеспеченными водопроводом и центральным отоплением. На обширном пространстве протянулись они вдоль берега Томи, разместились в посёлках Парусинка, Осинка, примыкали к базам подсобных производств и строительным площадкам. Наряду со стационарными лагерями, для сокращения непроизводительных затрат сил и времени на перемещения заключённых к месту работы и на периоды приёма новых крупных этапов, образовывались временные, нередко палаточные, лагерные зоны, где условия содержания заключённых, как правило, были хуже.

Установленная МВД СССР санитарная жилая норма 2 кв. м на человека в ИТЛ Строительства №601 систематически не выдерживалась. К 1 июня 1951 года для размещения заключённых лагерь располагал 27 754 кв. м жилых площадей, что в среднем составляло 1,48 кв. м на человека, имел 1751 кв. м лечебной площади. Интенсивное лагерное строительство шло параллельно с увеличением численности, поэтому строительство новых жилых помещений не решало проблемы улучшения жилищных условий для заключённых. В конце 1952 года лагерный жилфонд насчитывал уже 55 766,7 кв. м при средней обеспеченности 1,55 кв. м на человека. Более чем в 3 раза возросли площади лечебных подразделений лагерного сектора и составили 5 692,1 кв. м. Усредненные показатели жилой обеспеченности скрывали крайне неравномерное её распределение, при котором в некоторых лагпунктах норма на человека не превышала 1 кв. м, а около 40% заключённых ИТЛ в 1952 году проживали на площади до 1,3 кв. м.

Скученное размещение сопровождалось недостатком хозяйственного инвентаря (вешалок, столов,

скамеек, тумбочек). Нередко единственной «мебелью» в таких бараках служили деревянные, вагонного типа, двухъярусные нары, и всё своё имущество, включая верхнюю одежду, заключённые вынуждены были хранить на постелях, что придавало помещению неряшливый вид и быстро загрязняло постельное белье. Впрочем, из-за низкой производительности прачечных не все заключённые его получали. Обычными спутниками лагерной жизни были клопы.

Хуже других к приёму людей было подготовлено лаготделение №9, где в конце 1952 года содержалось около 3800 заключённых, вынужденных из-за отсутствия столовой принимать пищу в жилых бараках, прямо на нарах. Плотное размещение и нерегулярное мытье из-за отсутствия в этом подразделении бани привели к распространению вшей. Немногим лучше дело обстояло в женском лаготделении №8, где не было прачечной, а в сырых и холодных жилых бараках не хватало хозяйственного инвентаря. Не были созданы элементарные санитарно-бытовые условия для 1000 заключённых, проживавших непосредственно в производственных зонах на строительстве ТЭЦ, жилых домов в посёлке Берёзки, водонасосной станции.

Организация питания заключённых, в целом, отвечала требованиям МВД и по калорийности вполне соответствовала установленным нормам. Однако небогатый ассортимент продуктов, низкое качество овощей в весенне-летние периоды и особенно недостаток внимания начальников некоторых лаготделений и санчастей к работе пищеблоков и лагерной обслуги делали меню однообразным, а еду малосъедобной. Бесконтрольность за ходом приготовления пищи способствовала недовложению в блюда жиров, мяса, сахара. По установленным внезапными проверками фактам припрятывания ценных продуктов и готовой пищи виновные наказывались и отстранялись, но воровство на кухнях и при раздаче пищи продолжало процветать.

Проявления возникавшего недовольства заключённых качеством питания удавалось своевременно гасить административными мерами: устранением недостатков, индивидуальной разъяснительной работой. Большую роль играла работа сотрудников культурно-воспитательной части. Массовых отказов заключённых от приёма пищи и сколько-нибудь серьёзных выступлений на этой почве лагерь не знал.

Благодаря усилиям всех лагерных служб и особенно отдела снабжения, лагерь благополучно пережил замену половины хлебного пайка сухарями в первый период, когда бурный рост лагерного населения не был обеспечен мощностями хлебопечения. Лагерь переносил временные сокращения хлебной нормы, вызванные поломками оборудования и необязательностью томского хлебозавода, на договорных началах покрывавшего большую часть его хлебной потребности. Он сохранил спокойствие и когда недавно пущенный в Берёзках хлебозавод по техническим причинам в октябре – ноябре 1952 года, в течение полутора месяцев, ежедневно не добавлял ему по 3,5 тонны хлеба, понизив суточный паек каждого заключённого на 100 г.

Грубым и, как показал опыт, неискоренимым нарушением лагерного режима являлось сохранение в ИТЛ условий, допускавших возможности общения заключённых мужчин с заключёнными женщинами. Если принимаемые по распоряжению МВД меры изоляции в жилых зонах лагеря ещё имели относительный успех, то обеспечить в производственных зонах надёжный развод мужчин и женщин лагерная администрация оказалась не в силах. Мужчины и женщины совместно работали в общей зоне оцепления на строительстве посёлка Берёзки, хлебозавода, ОРСа, кирзаводе №17, сельхозучастках, что приводило к массовым случаям сожительства и как следствия – беременностей заключённых. Так, по результатам проверки, на 20 мая 1951 года в женском лагпункте лаготделения №1 находилось 63 беременных женщины, а на 10 сентября того же года – уже 160. Некоторые преднамеренно шли на рождение в лагере ребенка, справедливо полагая, что это даст им известное временное послабление в работе и повысит шанс на досрочное освобождение в случае очередной амнистии.

Рождённые заключёнными женщинами дети, в соответствии с принятым Советом Министров СССР 29 мая 1949 года постановлением, оставались в лагере, а по достижению ими двухлетнего возраста должны были передаваться на воспитание родственникам, либо, если таковых не оказывалось, направляться в Дома ребенка Министерства здравоохранения СССР. Для содержания детей в ИТЛ Строительства №601 при женском лагпункте лаготделения №1 был образован Дом младенца. Неудовлетворительные санитарно-бытовые условия и многочисленные недостатки в организации лечебной и воспитательной работы невыгодно выделяли его на фоне других детских учреждений системы ИТЛ МВД СССР.

Невнимание к нуждам Дома младенца санитарного отдела Управления Строительства №601, недокомплект медицинского персонала, нарушения санитарно-гигиенических требований, в том числе стирка детского белья в общей прачечной для заключённых, некачественное кормление приводили к

распространению инфекций и высокой смертности детей от пневмонии, туберкулеза, дизентерии, диспепсии (нарушение пищеварения, сопровождающееся поносом), заметно превышавшей средние для таких учреждений показатели. При среднемесячной во втором квартале 1951 года по ИТЛ МВД смертности детей 0,75%, в Доме младенца ИТЛ Строительства №601 только в мае 1951 года умерло 3,4% детей. Столь тревожные показатели вызвали озабоченность МВД и заставили дополнительно выделить 138 тыс. руб. на обустройство Дома младенца, что, впрочем, не сразу сказалось на его работе. В течение первого полугодия 1952 года от разных болезней умер 41 ребенок. Только во второй половине 1952 года положение в Доме младенца заметно улучшилось. Произошло расширение жилой площади, и к концу 1952 года на 1002,4 кв. м размещалось около 250 детей, а на 154 кв. м располагались лечебные палаты, началось строительство столовой и прачечной, были приобретены мебель и игрушки.

Заметная роль в организации жизни заключённых отводилась органам лагерного «самоуправления», действовавшим под надзором культурно-воспитательного отдела в форме культсоветов и производственно-массовых секций. В их состав на общественных началах привлекались активные и положительно зарекомендовавшие себя заключённые, главным образом, из начальников производственных отрядов, бригадиров, звеньевых, отличников производства, а так же культработники, становившиеся штатными помощниками инспекторов отдела в каждом лагерном подразделении. Под их руководством при клубах-столовых в лаготделениях функционировали общественные советы из 5–7 человек, непосредственно руководившие работой кружков художественной самодеятельности и спортивных секций, культкомнат и культуголков в мелких лагпунктах.

Больших успехов в организации культурного досуга и отдыха заключённых добился совет клуба лаготделения №5. Его кружок художественной самодеятельности, имевший в своём составе ансамбль песни и пляски и хореографическую группу, пользовался особой популярностью не только в своём лаготделении, но и всюду, где ему случалось выступать. Музыкальные группы кружков художественной самодеятельности обслуживали все массовые мероприятия, торжественно приветствовали возвращение с работы ударно потрудившихся бригад, устраивали импровизированные концерты по их заявкам. Центральное место в репертуаре самодеятельных артистов занимала местная тематика: критика со сцены бытовых и производственных недостатков, высмеивание нарушителей дисциплины и лодырей, популяризация достижений добросовестных работников и производственная пропаганда. Лагерная сцена выявляла способности и даже создавала своих кумиров.

В амплуа комедийного героя большой популярностью пользовался заключённый 6-го лаготделения Е.Ф. Горбунов, являвшийся к тому же хорошим производственником. К участию в творчестве допускались все желающие, за исключением нарушителей трудовой и лагерной дисциплины, а сами члены художественных коллективов часто организационно выделялись в самостоятельные бригады, служившие, как правило, положительным примером отношения к труду.

В летнее время в организации досуга заключённых большое значение имела спортивно-массовая работа. Несмотря на 10-часовой рабочий день и утомительную дорогу в 3–5 км на работу и обратно, увлеченные футболом, волейболом, шахматами люди устраивали тренировки, а в редкие выходные дни проходили соревнования команд, служившие эмоциональной разрядкой для многочисленных болельщиков. Другим не менее любимым зрелищем было кино. Четыре киномеханика с передвижными установками поочередно объезжали весь лагерь и 2–3 раза в месяц становились желанными гостями в каждом подразделении.

Культурному, духовному и интеллектуальному развитию заключённых должна была служить книга. Однако распространение её в лагере было явно недостаточным. К середине 1952 года рассредоточенный в шести стационарных и семи передвижных библиотеках общий книжный фонд насчитывал всего 17,5 тыс. экземпляров, в том числе 10,5 тыс. художественной литературы, и обслуживался одним библиотекарем. Неудовлетворенный спрос на книги отчасти восполнялся организацией кружков громкого чтения, занятия которых служили в основном задачам идеологического воспитания. Все формы культурно-массовой работы способствовали отвлечению от бытовых неурядиц и социальных проблем, поднимали настроение, восстанавливали силы и энергию и, в конечном счёте, имели целью повышение производственной активности заключённых.

Непосредственно на решение производственных задач была направлена деятельность производственно-массовых секций и штабов трудового соревнования, сформированных во всех лагерных подразделениях. В арсенале этих самодеятельных организаций наряду с методами морального стимулирования, такими, как «Доска почёта», стенная печать, спецвыпуски «Производственных бюллетеней», «Молний», «Тревог», популяризовавших достижения передовиков и клеймивших отстающих, ис-

пользовались и более действенные методы влияния на отношение к труду посредством организации и подведения итогов трудовых вахт и соревнований, обмена опытом слетов передовиков, открывавших возможность зачисления добросовестных работников в разряд отличников производства. Звание «Отличника» согласно «Положению» присваивалось заключённым систематически, при высокой оценке качества выполнявшим норму более чем на 120%, и давало его носителям преимущества в условиях содержания, питания, обеспечения одеждой и обувью первого срока носки, постельными принадлежностями, получения свиданий, а главное, служило основанием к зачислению кандидатами на досрочное освобождение.

Немалую роль в социальной реабилитации заключённых играла средняя школа, созданная в лагере до 1953 года. В ней могли обучаться все желающие в возрасте до 50 лет. По воспоминаниям бывшего сотрудника оперотдела (а впоследствии – начальника ИТЛ) В.Н. Капорова, директором школы была Валентина Васильевна Черняева. Штат преподавателей подчинялся ГорОНО. Работали в школе по преимуществу женщины, только историю вел преподаватель Сонькин. Обучение в школе было делом добровольным, и численность учащихся к выпуску сокращалась. Однако В.Н. Капоров также вспоминает, что некоторые её выпускники впоследствии продолжали образование в вузах страны.

Серьёзные меры по материальному стимулированию заключённых предпринимались и по линии администрации Строительства №601. С 1 июля 1950 года был осуществлен перевод заключённых на заработную плату. Этому предшествовала подготовительная работа по перетарификации, разукрупнению и подбору бригад и звеньев с учётом квалификации, физпрофиля и категории труда таким образом, чтобы свести к минимуму возможность уравниловки в оплате.

Улучшение материальных условий и усиление заинтересованности в результатах труда способствовали повышению общего уровня выполнения норм выработки заключёнными в целом по Управлению – со 111% в первом полугодии до 114% – во втором. Сократилось количество симулянтов и лодырей, увеличилось число передовиков, и к концу года насчитывалось 4596 отличников производства, утверждённых штабом трудового соревнования.

Хотя более трети заключённых из-за низкой выработки получали 10% гарантированный минимум и зарплату до 75 руб., и только около 5% имели ежемесячно на руки более 300 руб., появление в лагере свободных денег ставило перед администрацией и торговым отделом Управления Строительства №601 задачу расширения объёмов и ассортимента торговли, организации платного питания и услуг. С июля 1950 года заключённые стали посещать точки общепита, питаясь уже по своему выбору. Пользовались спросом мясные, рыбные, крупяные и порционные блюда. Уже к концу 1950 года для обслуживания заключённых в лагерных зонах на базе столовых гарантированного питания было создано 4 столовых с отдельным приготовлением платных блюд, и работала одна, принадлежавшая полностью торговому отделу, столовая высокой категории, действовало 12 ларьков с полным набором пользовавшихся спросом продуктов. По документам видно, что наибольшим спросом пользовались жиры растительные и животные, маргарин, крупы, кондитерские изделия, варенье, джем, карамель, пряники, табачные изделия, махорка. И если за первое полугодие в лагере было продано товаров на 957 тыс. руб., то во втором полугодии – почти в 3,5 раза больше, а всего заключённым за год было продано товаров на 4333 тыс. руб. и отпущено платных блюд на 621 тыс. руб., что составило около 25% общего товарооборота на территории Строительства №601 в 1950 году.

Производственная активность заключённых снижалась, сталкиваясь с отсутствием фронта работ, материалов, инструментов, техники, безразличием линейных ИТР, как это случилось при строительстве школы в посёлке Берёзки, когда 2 бригады, взяв обязательства по аккордному наряду закончить кирпичную кладку к 25 июня 1952 года и на 5 дней опередить график, простояли из-за отсутствия балок перекрытия, а их обязательства превратились в ненужные бумажки. Бесславно закончилось начинание бригады каменщиков №151 (бригадир Левашов). Получив отдельный строительный объект на площадке диффузионного завода, бригада взяла обязательство закончить его досрочно, и была поставлена на хозрасчёт. Это начинание поддержали и другие коллективы. Но вместо необходимых 20 куб. м раствора в смену бригада получала не более 6 и оказалась в отстающих.

Множество подобных примеров плохой организации труда, использования квалифицированных

В 1949 году начали высчитывать стоимость человека/дня. В среднем она составила: для тех, кто работал повременно – 14 руб. 98 коп., сдельно – 17 руб. 94 коп. При этом содержание заключённого в день обходилось в 12 руб. 68 коп. То есть почти вся заработная плата уходила на обслуживание з/к. Зарплата была, впрочем, символической. Вот несколько конкретных примеров: электрик Бондаренко, выполнявший план на 247% зарабатывал... 48 руб. 44 коп., термитчик Сатаков (250%) – 52 руб. 48 коп., столяр Лохматов (выработка 303%) – 62 руб. ровно. Разумеется, что вольнонаёмный специалист при такой выработке получал зарплату несоизмеримо большую, чем заключённый.

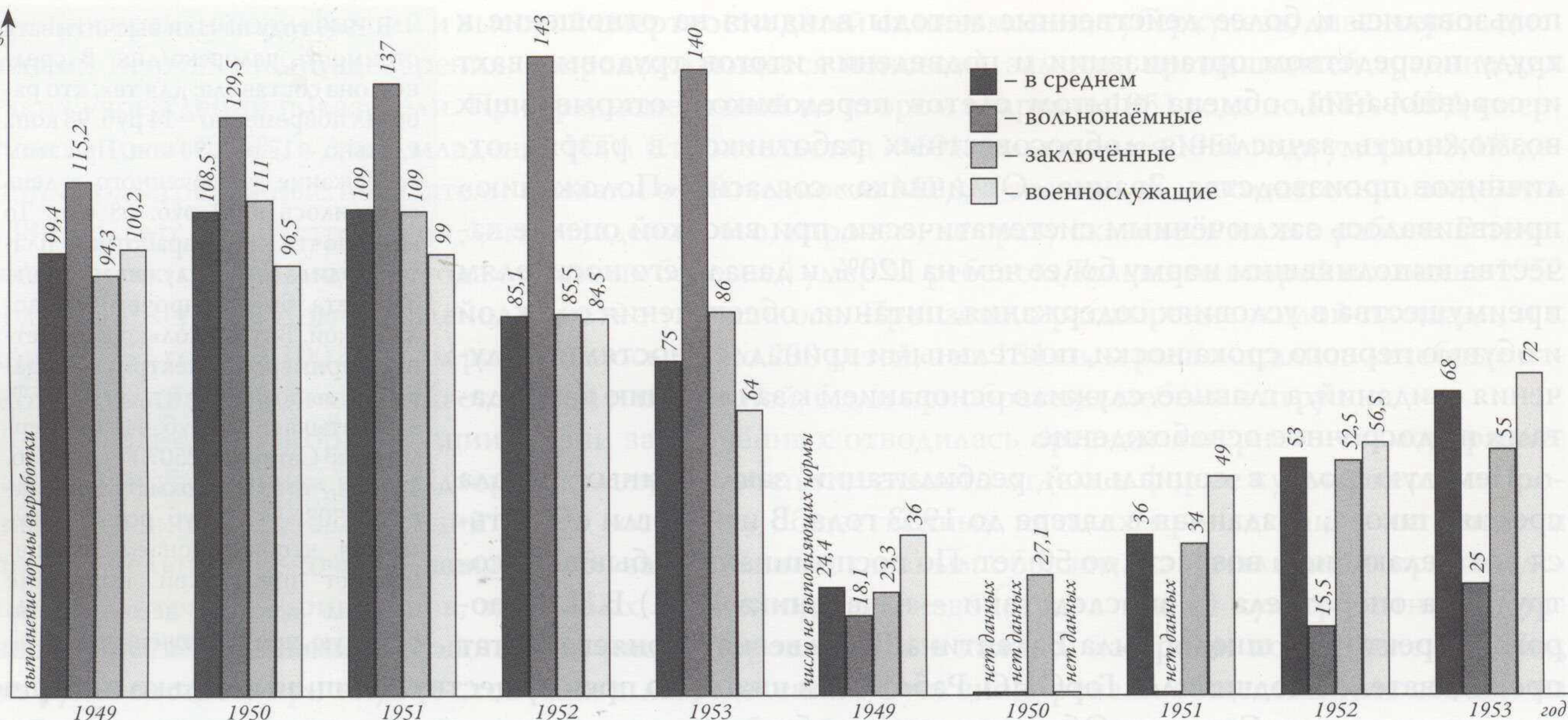

График 10. Выполнение нормы выработки в «ИТЛ ГХ-5» (%)

кадров на общих или подсобных работах, несвоевременной выдачи нарядов, задержек приёма выполненных работ, простоев рабочей силы, составивших только в ноябре 1952 года 16 083 человеко/дней, свидетельствовали, что на стройке сложилось ненормальное положение, позволявшее производственному аппарату строительных районов и подсобных предприятий уходить от ответственности за нерациональное использование рабочей силы. Неблагополучие общей ситуации усугублял сложившийся к зиме 1952 года переизбыток заключённых в ИТЛ Строительства №601, составивший почти 10% к плановой потребности. Объективные трудности, организационные просчёты и недоработки сказывались на производительности труда и сопоставимых показателях выполнения нормы выработки по категориям рабочей силы (граф. 10).

При достаточно высокой и постоянно возрастающей (с 23,3 до 55%) доле заключённых, не выполнявших установленных норм выработки, средние показатели труда выравнивались за счёт интенсивной работы (до 200 и более %) другой их части, и труд заключённых, уступая по производительности вольнонаёмному, в сравнении с трудом военных строителей выглядел несколько предпочтительней. Но темпы снижения средних показателей и увеличение числа не справлявшихся с производственной нормой свидетельствовали, что, при сложившихся принципах стимулирования и подходах к организации работ, трудоиспользование заключённых уже исчерпало возможности производительного роста.

По случайному совпадению, 5 марта 1953 года, когда умер И.В. Сталин, полковник С.И. Погарский и генерал И.С. Любый подписывали приказ о мерах по обеспечению выполнения плана и вводу объектов в установленные сроки. Смерть И.В. Сталина всколыхнула всю страну, вызвала перегруппировку сил, привела в движение механизм преобразований, самым решительным образом вторгшийся в планы и напряженные будни стройки. Принятый 27 марта 1953 года Президиумом Верховного Совета СССР Указ об амнистии заключённых лишил стройку большей части рабочей силы и вынуждал перестраиваться на ходу.

Амнистии подлежали все осужденные за военные, должностные и хозяйственные преступления сроком до пяти лет, беременные и имевшие детей в возрасте до двух лет женщины, пожилые (мужчины старше 55, а женщины старше 50 лет) и страдавшие неизлечимыми тяжёлыми болезнями заключённые. Приказом начальника Строительства №601 предписывалось, начиная с 8 апреля, ежедневно оформлять документы на освобождение до 300 человек, с тем, чтобы уже в мае завершить кампанию, но уложиться в отведённое время не удалось. Всего в течение второго квартала 1953 года ИТЛ Строительства №601 покинул 22 231 заключённый, что составило 44% от общей численности работавших на 1 апреля 1953 года. Подавляющее большинство амнистированных имело приобретенные на стройке профессии, в их числе было много специалистов, работавших прорабами, десятниками, бригадирами.

В середине мая 1953 года личный состав ИТЛ «ГХ» с охраной, службой интендантского снабжения, строениями и имуществом в полном составе, на основании Постановления Совета Министров СССР от 18 марта, был передан из УИТЛ Строительства №601 Главпромстрою МВД СССР Воронинскому* УИТЛ Министерства Юстиции СССР.

*Воронинский УИТЛ Министерства Юстиции СССР – одно из официальных названий лагеря, строившего г. Северск.

Взамен заключённых стали поступать военнослужащие Министерства обороны из гарнизонов Дальневосточного военного округа. В мае их прибыло 19 082 человека, а к концу года военно-строительную 99,4 часть стройки пополнили 26 582 человека. Громадный приток солдат не был подкреплён необходимым числом офицеров, что затянуло формирование частей и не замедлило сказаться на дисциплине. Прибывшее пополнение в большинстве своём не имело строительных специальностей, а организованное в массовом порядке бригадное обучение не было обеспечено достаточным количеством мастеров и инструкторов. Всего в 1953 году новым профессиям было обучено 7998 человек, в том числе 5768 солдат и 1930 заключённых. Кроме того, прошли подготовку путем повышения квалификации в стахановских школах, на курсах целевого назначения, производственно-технических курсах 4940 человек.

С апреля 1953 года производительность труда резко упала из-за плохой работы заключённых, ожидающих амнистию. Комплектование бригад из оставшихся заключённых затягивалось, поскольку лагерная администрация, занятая оформлением документов на освобождение, никакой помощи производственному персоналу оказать не могла. Продолжавшееся в течение всего второго полугодия обучение солдат строительным специальностям, недокомплект офицерского состава, уход со стройки, в связи с амнистией, большого числа прорабов и десятников из числа заключённых, создали исключительно тяжелые для работы условия, привели к ухудшению качества работ, потерям материалов и к тактической консервации целого ряда объектов.

На некоторых объектах одному прорабу, имевшему в подчинении 1–2 десятников, поручалось до 300 солдат. В этих условиях надо было рассчитывать на офицеров. Но прибывшие офицеры, как правило, не владея элементарными знаниями строительного процесса, не могли оказать практической помощи линейному инженерно-техническому персоналу. В ряде случаев они, опасаясь проявить свою некомпетентность и не желая уподобляться надсмотрщикам, просто уклонялись от руководства солдатами во время работы на стройплощадках.

Из этого правила были и исключения. В сентябре 1953 года на должность командира роты – прораба второго района был назначен старший лейтенант, выпускник Ленинградского военно-инженерного училища М.З. Слонимский. Полученные в училище знания позволили ему грамотно руководить подчиненными. Вскоре он был назначен командиром батальона и, быстро продвигаясь по служебной лестнице, ушел в запас Советской Армии в звании подполковника с должности начальника СМУ-11. Хорошую память оставили о себе офицеры: майор М.М. Возмитель, капитаны В.Е. Квашнин, А.В. Мясоедов, В.Е. Казаков, старшие лейтенанты И.А. Матяш, К.Е. Ефимов, Герой Советского Союза В.И. Кулешов, лейтенант П.В. Соболев, младшие лейтенанты В.Ф. Лукьянов и А.Я. Тучин. Но среди прибывших офицеров таких были единицы.

Овладевшее умами и чувствами людей после смерти Сталина ожидание перемен, изменения условий общественной жизни подталкивали власти к поиску новых организационных форм руководства. Дух реформирования, проникая во все структуры, с удивительной быстротой и легкостью ломал устоявшиеся формы. Поспешная и не опиравшаяся на серьёзные проработки реорганизация летом 1953 года охватила Управление Строительства №601. Личный состав Строительства №601 Постановлением Совета Министров СССР из состава МВД был передан вновь образованному Министерству среднего машиностроения, а Главпромстрой стал Главком этого Министерства. В состав Строительства №601 было включено Управление военно-строительных частей, и объединенная структура получила название – Управление Строительства №601 и ВСЧ.

Учитывая, что преобладающей рабочей силой стали военные строители, Главком было принято решение об изменении организационной структуры Управления Строительства №601. Переформирование строительных районов в полки-районы, распределение воинских частей и заключённых по строительным объектам, комплектование отделений и взводов началось в июле и, ввиду отсутствия конкретных указаний и инструктивных разработок из аппарата Главка, затянулось до конца года. Необходимость заниматься бесконечной перестройкой отвлекала управленческий аппарат Строительства №601 от исполнения прямых обязанностей, отрицательно сказываясь на производственном процессе. По оценке, изложенной в объяснительной записке к годовому отчету за 1953 год, «объединение в полки-районы, проводимое без надлежащей подготовки и опыта, на деле оказалось формальным и эффекта не дало».

Однако, начатая амнистией вереница суровых испытаний летом 1953 года лишь приближалась к зениту. Как гром среди ясного неба, грянула и поразила всех весть об аресте Берии 26 июня 1953 года. Любопытные воспоминания о тех событиях оставил их свидетель, в ту пору командир роты

Л.В. Мясоедов. Бывший солдат Великой Отечественной, за мужество и отвагу отмеченный Орденом Славы III и II степеней и многими медалями, он после войны связал свою жизнь с армией, окончив Ленинградское военно-инженерное училище.

Известие будоражило, мешало работать, эмоции искали выхода. Усиливалось брожение среди солдат армейских соединений, называвшихся по цвету погон «чернопогонниками», и грозило вылиться в открытое выступление против «краснопогонников» – служащих войск МВД, отождествляемых с силой и опорой изобличенного врага народа. Распространялись слухи, что на площадке диффузионного завода, где прилагались отчаянные усилия форсировать ход работ, солдаты приравнены к заключённым и работают под охраной, что руководство стройки все «эмведисты», и возможна измена среди них. Опасаясь выпадов, некоторые офицеры МВД переодевались в армейскую форму.

Разъяснительной работой офицерам удалось снизить напряжение, но тревога сохранялась. Повод для проявления открытого недовольства вскоре нашёлся. Им оказались сломанные ворота в зоне строительства диффузионного завода. Когда после смены одна из рот подошла к КПП, ворота оказались заперты, а выпускающий сержант где-то отсутствовал. Подождав немного, солдаты потребовали их выпустить. Часовой выстрелил в направившегося к воротам солдата. Неизвестно, убила ли, ранила ли кого шальная пуля, но она стала сигналом к штурму. Начали подходить другие роты, ворота открыли, и вся толпа вывалилась на дорогу. Попадавших на пути в Кузьминку служащих МВД эта толпа избивала, срывала с них фуражки и погоны, но смертельных случаев не было. Два полка отказались выходить на работу вместе с заключёнными, и неделю или две не работали. Было проведено следствие, арестованы зачинщики, во всех полках, независимо от их причастности к событиям, состоялись показательные заседания военного трибунала.

Есть воспоминания о бунте заключённых в одном из лаготделений Воронинлага (ИТЛ «ГХ-5»), для локализации которого были вызваны войска. Но документальных подтверждений этому обнаружить не удалось.

Едва поутихли волнения, как нагрянула новая беда, пострашнее первой. Изнуряющая, палившая все лето жара вынуждала людей, работавших на площадках, невзирая на запретительные таблички, пить речную воду. Началась эпидемия дизентерии. Все медпункты в полках, палаты и коридоры были завалены больными, лежавшими даже на полу. К концу августа эпидемия начала спадать. Но в ноябре – декабре речная вода вновь стала причиной эпидемии, на сей раз – брюшного тифа.

В таких условиях руководство Строительства №601, чтобы хоть как-то поправить положение на пусковых объектах, прибегло к жестким мерам. С середины сентября на строительстве ТЭЦ был введен особый режим ежедневных заданий и отчетов всех групп работающих, категорически запрещавший прекращение работ до полного выполнения нормы. Для поощрения солдат установлен премиальный фонд в размере 10 тыс. руб. Но производственные итоги года были столь неутешительны, что, не дожидаясь замены, начальник Строительства №601 И.С. Любый сдал дела своему заместителю генерал-майору С.И. Шеменю и был переведён на другую стройку.

Есть продукт!

Ещё готовились котлованы, рылись каналы, устанавливались оси опор, укладывался в основания и стены заводских корпусов бетон и кирпич, а уникальные технологии будущих производств настойчиво диктовали необходимость подготовки персонала для их обслуживания. Комплектование кадров комбината в первое время осуществлялось на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий, и учреждений в другие» и шло, главным образом, за счёт перевода* квалифицированных специалистов подведомственных ПГУ и родственных предприятий оборонной промышленности. Среди прибывших на Зауральский комбинат в 1951 году были: инженеры Л.С. Кузнецова и Л.В. Богданова, слесари Х.А. Латыпов и Ф.Ф. Семенов, аппаратчики П.Ф. Бештаков и Ш.З. Абзалетдинов, положившие начало формированию коллектива сублиматного завода. Первыми в штат диффузионного завода были зачислены: С.Н. Васильев, Т.С. Павлов, А.П. Некрасов, П.Н. Екимов, Я.М. Суханов, Д.И. Косенков и другие. Участвуя в ведении монтажных работ, люди постигали специфику новой отрасли, учились эксплуатировать новое, и для многих совершенно незнакомое, оборудование.

Для создания команды организаторов производства намеченных к пуску в первом полугодии 1953 года сублиматного и диффузионного заводов необходимы были высококвалифицированные

*В установленном порядке переводимым работникам выплачивалось единовременное пособие в трехкратном размере месячной заработной платы по прежнему месту работы и по одной четверти оклада на члена семьи, оплачивался переезд и предоставлялась жилплощадь.